

АМАНДА МАККЛЕЛЛАНД

ТОЛЬКО НЕОТЛОЖНЫЕ СЛУЧАИ

Спасая Жизнь: истории от первого лица

Спасая жизнь. Истории от первого лица

Аманда Макклелланд

Только неотложные случаи

«АСТ»

2018

УДК 614.885:929
ББК 51.1(3)

Макклелланд А.

Только неотложные случаи / А. Макклелланд — «АСТ»,
2018 — (Спасая жизнь. Истории от первого лица)

ISBN 978-5-17-112826-5

«Только неотложные случаи» – история медсестры, участвовавшей в многочисленных миссиях Красного Креста. Свою карьеру Аманда Макклелланд начала в австралийской глуши, среди аборигенов, в роли фельдшера. Поняв, что такая работа по ней, Аманда поступает в Красный Крест и отправляется в свою первую миссию – в Южный Судан, где идёт война. Основной обязанностью ее становится обеспечение санитарных условий для гражданского населения. Далее следует Индонезия, потом Непал, где ей приходится пешком карабкаться по горам, чтобы добраться до отдаленных посёлков и наладить там систему водоснабжения. Потом Соломоновы острова, Уганда, Папуа Новая Гвинея, Конго, Эфиопия, Сомали...

УДК 614.885:929
ББК 51.1(3)

ISBN 978-5-17-112826-5

© Макклелланд А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

1	9
2	18
3	20
4	30
5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Аманда Макклелланд

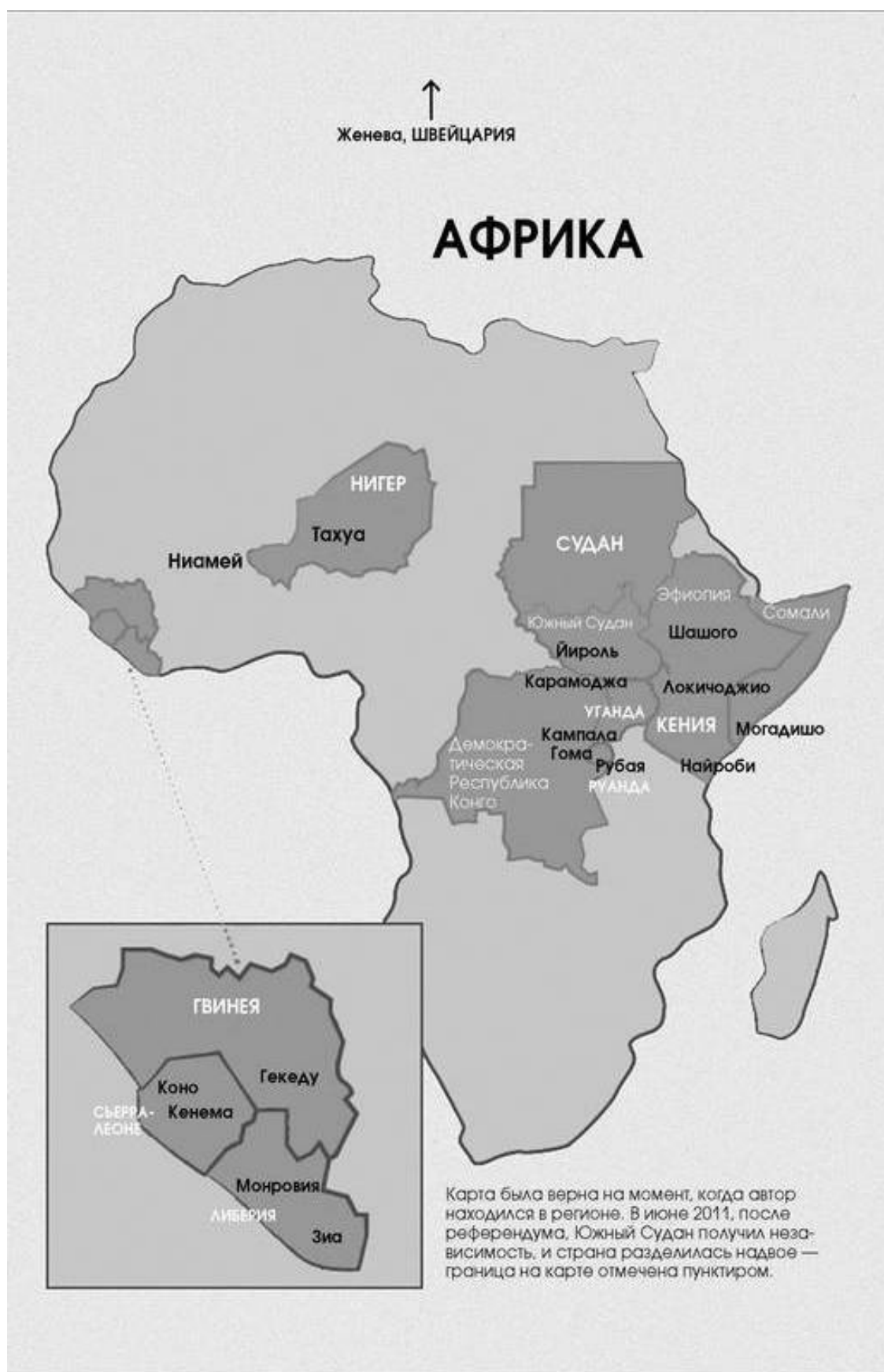
Только неотложные случаи

© 2018 Amanda McClelland

© И. Д. Голыбина, перевод, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

– У тебя когда-нибудь будет нормальная жизнь?

Моя сестра широким жестом обвела приметы такой «нормальной жизни»: мы сидели в просторной гостиной ее нарядного дома в Квинсленде с белым заборчиком по фасаду и бассейном на заднем дворе. На стене висел громадный телевизор, в гараже стоял внедорожник, а в одной из многочисленных комнат спал ее ребенок.

У меня ничего этого не было – ни красивого дома в пригороде, ни дорогого джипа, ни бассейна, ни детей, но на то имелись веские причины. Почти двадцать лет я ездила по миру с гуманитарными миссиями. Помогала жертвам гражданских войн, засух, цунами, эпидемий – и мне это нравилось. Моя работа и была *нормальной жизнью*, по крайней мере, для меня. Просто немного другой.

1

Маленький город Элис

Дорога, ведущая в Элис-Спрингс и из него, всего одна, и она тянется в каждую сторону на полторы тысячи километров. Точка на карте в центре трассы Стюарт, среди пустыни, Элис – крошечный пыльный городишко с редкими пальмами, выжженными добела улицами, парой пивных баров и затоптанным футбольным полем. Четырехэтажный госпиталь там – самое высокое здание, по крайней мере, было, когда я приехала. Мне исполнился двадцать один год, я только что получила диплом медсестры. С Элис все и началось.

Вообще, я никогда не собиралась становиться медсестрой. Не мечтала, как буду перевязывать раны и выносить ночные горшки при свете ночника в халате с вышитым красным крестом на кармане. Я думала, что стану мультипликатором. Или учительницей. Потом всерьез планировала пойти служить в полицию, но мама меня отговорила. Ей казалось, если я стану полицейским, то никогда не обзаведусь семьей – как будто женщины-полицейские принимают обет безбрачия. Зато если работать медсестрой, можно нарожать детишек, рассуждала она. Однако тут я ее разочаровала.

Мама работала в процедурном кабинете, брала на анализ кровь. Она всегда считала, что мое призвание – помогать людям, ведь я хочу сделать мир лучше, но я решила стать медсестрой, потому что работа казалась мне интересной, а вовсе не потому, что собиралась спасать человечество. Собственно, у меня не хватило баллов, чтобы сразу поступить на физиотерапевта, поэтому я пошла на сестринское отделение, планируя потом перевестись. Но учеба оказалась такой захватывающей, что я передумала уходить.

За три года обучения я прошла несколько стажировок – на них мы знакомились с важными практическими аспектами будущей работы и составляли представление о разных областях медицины. Я работала в центре планирования семьи в Брисбене, в квартале красных фонарей, где медсестры консультировали беременных девочек-подростков и лечили венерические заболевания. Там я усвоила, как важно в нашей профессии общение (а еще приобрела стойкий страх перед заболеваниями, передаваемыми половым путем). Моя следующая стажировка проходила в психиатрической лечебнице, где один обаятельный джентльмен, одетый только в подгузник, убеждал меня в том, как замечательно пить кофе из детской соски. Потом я побывала в доме престарелых, и, в возрасте восемнадцати лет, впервые купала в ванне очень пожилого мужчину.

В тот раз я с трудом сдерживала хохот, но со временем подобные неловкие ситуации превратились для меня просто в часть работы.

Наконец, я оказалась в Королевском детском госпитале в Брисбене, чистеньком здании с персонажами мультиков на стенах. Стоило мне приступить к работе, и я сразу поняла, что хочу быть медсестрой в педиатрии. Дети оказались требовательными пациентами. Со взрослыми куда проще: ошибки персонала представляют для них не такую серьезную угрозу, и они всегда могут сказать, если с ними что-то не так. Дети ничего не говорят, а если им становится плохо, то стремительно. Права на ошибку в педиатрии практически нет, и для меня это очень важно. А еще в этой работе много радости. Да, я трудилась в поте лица, но в то же время делала зверей из надутых резиновых перчаток и играла с пациентами в PlayStation. И вообще, считала, что быть медсестрой в детской больнице – круто.

Помню, в самом начале я оказалась в ортопедическом отделении, куда только что доставили малыша после ампутации: ему отрезали ногу ниже бедра. Он отходил от наркоза, и все в отделении за него сильно переживали. Старшая сестра попросила меня понаблюдать за ребенком, пока остальные будут обсуждать с его родителями стратегию дальнейшей реабилитации.

Ему придется заново научиться переворачиваться, садиться и потом, возможно, ходить. Пациенту предстоял долгий и трудный путь.

И только представьте – когда я вошла в палату, малыш уже стоял на ногах (ну, точнее, на одной). С заинтересованным видом он выглядел между перекладинами кровати, удивляясь, что все вдруг куда-то ушли. Стоило мне шагнуть вперед, как он плюхнулся на попку, все с тем же довольным личиком. *Молодец, кроха!* – улыбнулась я. В соседнем кабинете специалисты с серьезными лицами обсуждали, как заново научить его держать равновесие и вернуть подвижность, но мальчуган за пять минут сообразил все сам. Самой большой проблемой, с которой мы столкнулись в его случае, был подгузник, который никак не хотел держаться на месте, хоть скотчем его приклей.

У меня случилось прозрение. Я поняла, что хочу работать с детьми, потому что они полны жизненных сил и очень быстро приходят в норму. А когда результаты радуют, то и работа приносит настоящее удовлетворение. За прошедшие годы у меня появилось от него что-то вроде зависимости. Некоторые готовы трудиться всю жизнь ради маленьких, постепенных изменений, но точно не я. Я предпочитаю стремительный сюжет и эффектную развязку.

Закончив учебу, я вышла на постоянную должность в Королевский детский госпиталь и проработала там полтора года. Мне повезло, что меня пригласили, и работа нравилась тоже, но я не собиралась всю жизнь прослужить на одном месте. Меня поражали пожилые сестры, которые не работали больше нигде.

Молодежь поговаривала о годовой командировке в Лондон – у нас существовала программа обмена персоналом с госпиталем на Ормонд-стрит, – но я знала, что это не для меня. Я не хотела жить в перенаселенном европейском городе, а по выходным напиваться и ходить на вечеринки. Я думала лучше узнать Австралию, прежде чем ехать за океан.

Однажды к нам в госпиталь из южного Квинсленда привезли девочку, аборигена, с серьезными ожогами промежности и ягодиц. Она потянула с плиты горячую кастрюлю и ошпарилась кипятком. Родные быстро отнесли ее в ванную и стали поливать холодной водой, но не сняли подгузник. Кипяток затек под непромокаемую ткань и причинил сильнейшие ожоги, оставив на коже розовые язвы.

Когда маленький ребенок попадает в ожоговое отделение, персоналу нужна помощь его родителей. При тяжелых ожогах сестры промывают язвы и обрабатывают их, удаляя отмерший эпидермис. Конечно, ребенку дают седативное, но процедура все равно крайне болезненная, так что очень важно, чтобы родители были рядом, поддерживали и успокаивали малыша. Но мать этой девочки в палате не показывалась. Я слышала, как перешептываются медсестры, удивленные ее отсутствием. С момента поступления ребенка никто из родных ее не навестил.

Наконец, мать пришла – она выглядела растерянной и напуганной. В госпитале была сотрудница, отвечавшая за взаимодействие с представителями коренного населения, но она, равно как и медсестры, не смогла разобраться, что произошло и где та пропадала. Сотрудница спросила, воспользовалась ли она ваучером на такси, который ей дали, но мать понятия не имела, как вызвать такси. Выдали ей и банковскую карту, но она ими никогда не пользовалась. Женщина ничего не ела, потому что не знала, где взять еду. Идти в супермаркет она боялась. Почему-то – точно мы так и не поняли, – город ее ужасно пугал. Я не знала, чем ей помочь, но ясно понимала, что так быть не должно.

Примерно через неделю после той истории я наткнулась на объявление о вакансии в больнице Элис-Спрингс. Работа предлагалась в педиатрическом отделении с аборигенным населением, сосредоточенным посреди пустыни, в крошечном городишке, отстоящем от Брисбена на три тысячи километров по выжженному солнцем шоссе. Я подумала о той маленькой девочке и ее матери, о том, что могла бы сделать для них. Идея работать в глуши мне нравилась. Да и момент подходил идеально – я только что купила внедорожник.

Переезд в Элис-Спрингс превратился в целое приключение, первое в последовавшей за ним длинной цепи. После двух дней непрерывной езды мой джип сломался где-то в окрестностях Джулия-Крик. Все выходные я ждала, пока доставят запчасти, пытаюсь хот-догами на единственной тамошней заправке и отбиваясь от настойчивых ухаживаний любвеобильных дальнобойщиков. Я не рассчитывала задерживаться и боялась опоздать к началу своего первого рабочего дня, поэтому, починив машину, свернула на короткую дорогу, чтобы нагнать потерянное время. В результате я оказалась на разъезженном в месиво проселке, на полпути между Джулия-Крик и преисподней. Где-то на рассвете в мой джип сбоку врезался двухметровый кенгуру. Он возмущенно на меня покосился, а потом, живой и здоровый, усакал прочь, оставив здоровенную вмятину на арке заднего колеса. Я до кости порезала руку, пытаюсь выправить ее обратно, потом вымокла до нитки под внезапным ливнем и торчала на дороге в полном одиночестве, пока меня не выручили случайные автотуристы. В общем, так или иначе, на работу я опоздала. К госпиталю Элис-Спрингс я подкатила с головы до ног в брызгах крови и грязи, с рукой, кое-как замотанной бинтами, на джипе в спекшейся красной дорожной пыли. Народ там, однако, видал и не такое. Никто даже бровью не повел.

Меня направили в инфекционное отделение педиатрии. Оно мало чем отличалось от своего аналога в Брисбене, разве что оборудовано скромней. Частенько к нам привозили пациентов с менингитом, но главной проблемой педиатров в Элис-Спрингс был понос. Работа в педиатрической больнице аборигенного городка означала, буквально, копанье в дерьме.

В отделение доставляли детей из глухих поселков, которым, в основном, было не больше двух лет. Мы распределяли их по палатам в зависимости от типа инфекции, бактериальной, паразитической или вирусной – шигеллеза, лямблиоза, кампилобактериоза. Детей с лямблиозом следовало изолировать от детей с шигеллезом, потому что они могли заразить друг друга, а потом мучились бы поносом сразу от двух возбудителей. Я быстро научилась различать бактериальные инфекции по цвету, консистенции и запаху детского стула – пенящегося, зеленого или липкого, – потому что у каждой имелись особые приметы. Совсем недолго проработав в Элис, я уже могла поставить ребенку диагноз, просто сменив пеленку.

Собственно, смена пеленок составляла большую часть нашей работы. Сложней всего было заворачивать их так, чтобы жидкие испражнения не вытекали наружу – добиться полной герметизации мне никак не удавалось. Мы работали в хирургических костюмах, потому что их проще было сменить, испачкав в дерьме. Пахло в отделении весьма своеобразно, но я быстро привыкла.

Дети аборигенов были прекрасны. Они привыкли, что их воспитывают всем поселком, поэтому легко шли на контакт. Они не возмущались, когда их забирали от матерей, и не требовали, чтобы те находились рядом, они не нуждались в постоянном внимании, но ухаживать за ними приходилось подолгу, не то что в Брисбене. Культурная среда здесь оказалась совсем другой: детей оставляли в больнице на длительное время, и персонал отвечал не только за лечение, но и за присмотр в целом. Частенько бывало, что я перемещалась по отделению с младенцем в каждой руке и парой малышей постарше, цепляющимися за мои ноги – такая Мэри Поппинс в резиновых бахилах и хирургическом костюме.

Родные детей могли заглядывать в отделение время от времени в течение всего дня. Они жили за городом, и многие никогда раньше не бывали в Элис-Спрингс. Между визитами они навещали родню или закупались детской одеждой в местном супермаркете; порой дети уезжали из больницы, одетые куда нарядней, чем при поступлении. Многие мамы любили прогуляться до пересохшего русла реки, пересекавшего городок, где местная молодежь устраивала попойки, но чудесным образом находили потом дорогу обратно.

По ночам мы клали на пол матрацы и доставали детей из кроваток, чтобы они спали вместе с матерью, как дома. Мамаши расстегивали больничные халаты до пупка, обнажая грудь, и дети могли сосать молоко, когда хотели – зрелище неортодоксальное, но для коренного населения вполне привычное. Нам приходилось как-то выкручиваться. Детей полагалось осматривать каждые два часа, вне зависимости от того, где они спали, поэтому я, бывало, ползала на четвереньках между матрацами, выискивая пациентов в темноте.

Говорили, кто трижды перейдет через пересохшее русло речки Элис, останется в городе навсегда. Похоже, постоянный персонал больницы в это верил. Они любили свою пустыню. Держались особняком от временных сотрудников. Они не были недружелюбны, просто привыкли смотреть, как другие приезжают и уезжают. Остальные жили все вместе в общежитии, вместе спали и ели, ну и пытались как-то развлекаться в перерывах между дежурствами. Правда, единственными развлечениями в Элис были парочка пабов и бассейн в нашем же общежитии. Никакого интернета: единственной точкой доступа являлся доисторический телефонный модем в городской библиотеке. В комнате отдыха в больнице имелся стол для пинг-понга.

Я впервые жила и работала с людьми, специально уехавшими из дома. Несмотря на разное происхождение и воспитание, у нас было кое-что общее: заурядная жизнь нас не привлекала. В Элис неплохо платили, но ехали туда не ради денег. Нам хотелось жить интересно. По крайней мере, я так думала – судя по себе. Зачем еще переезжать в обшарпанный городишко посреди пустыни?

Мне нравился буш и нравилось по нему путешествовать. Часто, закончив смену, мы прыгали в машину, ехали за город и ночевали под открытым небом, а поутру возвращались на работу, любуясь окрестными пейзажами. Улуру находилась совсем близко, рукой подать, и выглядела волшебной – гигантская красная скала, вздымающаяся из земли посреди пустыни.

Мы катались на внедорожниках и горных велосипедах, исследовали разные уголки буша и пили много пива – не без этого, признаюсь. Туризм и пиво всегда мне нравились. Сидеть, слегка опьяневшей, и любоваться Млечным путем – отличный способ скоротать вечерок, вы не находите?

Неделя проходила за неделей, и вскоре я начала замечать знакомые лица, появляющиеся в отделении снова и снова – десять-пятнадцать ребятишек, болевших чуть ли не постоянно. Помимо поноса, они страдали чесоткой и болезнями ушей. У них было постоянное обезвоживание и такой низкий уровень калия, что я не понимала, как они до сих пор живы. Белый ребенок в Брисбене с таким анализом крови немедленно попал бы в реанимацию, но дети аборигенов как-то выживали с крайне низким гемоглобином, поскольку падал он постепенно и неуклонно в течение длительного времени. Организм привыкал непрерывно болеть. Они гораздо спокойней переносили боль, как и их родители. Жара в пустыне была им нипочем; их жизнь, хотя и висела на ниточке, как-то продолжалась. Бесконечные болезни делали их до странности выносливыми, хотя по западным меркам им грозила серьезная опасность.

Дети страдали от недостатка веса, рост их тоже не дотягивал до нормы, как и многие другие показатели. Позднее я разобралась, что все это были симптомы недоедания, но в Элис так не говорили. Их состояние называлось «отставание в развитии» – интересный диагноз, полностью игнорирующий суть проблемы. Он указывал на ее последствия, а не на источник.

Меня сильно тревожило, что одни и те же дети поступают к нам вновь и вновь. Я приставала к другим сотрудникам с расспросами, особенно поначалу, но целостная картина, с медицинской точки зрения, у меня никак не складывалась. Я была дипломированной медсестрой и только начинала работать, так что плохо себе представляла, как организовано здравоохранение в целом. У меня имелось подозрение, что всему виной какая-то глобальная проблема

коренных племен, но моей обязанностью было просто лечить детей, попадавших в госпиталь. В конце концов, меня так учили.

Со временем я узнала, что дети в аборигенных сообществах в окрестностях Элис ели тогда, когда ела вся семья, хотя дошкольники должны получать еду или перекусы четыре-пять раз в день. В удаленных районах сложно было найти чистую воду, не говоря уже о качественных овощах и фруктах, что усугубляло проблему. Многие дети так часто страдали от поноса, что их кишечник повреждался и не мог правильно усваивать питательные вещества. Стоило им более-менее оправиться от одной кишечной инфекции, как они подхватывали другую, ослаблявшую их еще сильнее. Кроме всего прочего, из-за недоедания их иммунитет не мог сопротивляться другим заболеваниям, в частности, менингиту и пневмонии, а сильная скученность в аборигенных поселениях приводила к стремительному распространению эпидемий. Получался замкнутый круг, лишь малая часть которого происходила у нас на глазах.

Тогда я не сознавала, насколько аборигенные племена пренебрегают элементарными правилами гигиены. Неоднократно я проводила с матерями беседы о необходимости мытья рук или о том, какое питание подходит детям. Будучи медсестрой, я, конечно, старалась заботиться об их благополучии, но формально в мои обязанности это не входило. Тем сильнее оказалось мое потрясение, когда я поняла, что пока мы боремся с кризисом здравоохранения в странах третьего мира, он происходит прямо у нас под носом.

Однажды к нам в отделение доставили малыша в очень тяжелом состоянии, но мы никак не могли понять, что с ним такое. Внезапно, без видимой причины, он переставал дышать и становился синюшным – цвет его кожи откровенно пугал. Мы не могли подключить к нему датчик апноэ, поскольку он был совсем маленький, поэтому медсестры по очереди носили его на руках и растирали грудку, когда кожа начинала синеть, стараясь стимулировать дыхание. Я три смены проносила его по отделению, молясь, чтобы он не умер у меня на руках.

Пока мы бились над этой загадкой, мать ребенка куда-то исчезла. Мы понятия не имели, расстроилась она или рассердилась, знали только, что ее нет. Сотрудница по связям с аборигенами беспокойства не проявляла – но это вообще ей не было свойственно. Солидная пожилая дама с крошечными ножками и задом, но при этом с большим округлым животом, она славилась своей невозмутимостью и служила посредником между нами и коренным населением. Технически, в ее обязанности входило помогать нам ухаживать за детьми, но она редко снисходила хотя бы до смены пеленок. Когда доходило до бесед с неразумными мамами, ей, однако, не было цены; не представляю, что мы бы делали без нее. В данном случае она говорила, что мать ребенка вернется, правда, не уточняя, когда.

Мать и правда вернулась – и привела с собой «нганкари», шамана из своего племени. Они вместе побывали в каком-то потаенном месте, где откопали из земли ее плаценту и принесли в больницу кусочек пуповины малыша, замотанный в тряпицу. Шаман приколот его к белой рубашечке, в которую мы одели ребенка, и сотрудница по связям сказала, что теперь все будет хорошо. Мне в это как-то плохо верилось, однако в больнице неоднократно происходили вещи, которые я никак не могла объяснить. Мы уговаривали мать повременить с выпиской хоть пару дней, просто на всякий случай, но внезапные остановки дыхания у малыша в одночасье пропали, и наши врачи понятия не имели, почему. Еще два-три раза я носила его на руках, но больше он синюшным не становился.

Сотрудники по связям с аборигенами во взрослом отделении больницы Элис-Спрингс считали своей обязанностью поддерживать на стабильном уровне запасы питури – местной разновидности жевательного табака, содержащего вещества, близкие к никотину, – на случай абстиненции у пациентов. Когда однажды этот уровень угрожающе упал, та самая дама из педиатрии предложила мне вместе прокатиться туда, где питури растет. Она знала, что меня инте-

ресует ее культура, потому что я задавала массу вопросов. Я страшно обрадовалась такой удаче и даже уговорила мою приятельницу Антею поехать с нами.

Дама из отделения жила в домике из пеноблоков в аборигенном поселке, который находился от Элис в получасе езды. Мы с Антеей собрали еду для пикника и выехали пораньше, зная, что к полудню жара станет нестерпимой. Увидев нас в окно, дама вышла из двери в сопровождении двух молоденьких племянниц, и все трое взгромоздились в мою двухдверную «Ферозу», так что мы впятером оказались стиснутыми на одном длинном сиденье, щедро заливаемом горячим утренним солнцем.

Ехали мы куда дольше, чем предполагалось. Шоссе, совершенно прямое, упиралось куда-то в горизонт, такой широкий, что видно было, как закругляется земля. Внезапно, непонятно откуда, на дорогу выскочила игуана. Я вывернула руль, чтобы ее не задеть, но наша дама возмущенно вскрикнула и отвесила мне подзатыльник, приказывая остановиться, так что я ударила по тормозам. Не дожидаясь, пока машина встанет, она перебралась через меня и кинулась в буш, следом за игуаной. В больнице дама передвигалась не быстрее улитки, так что я была здорово удивлена. К несчастью, нагнать добычу ей не удалось. Босоногая и с пустыми руками, она вышла из кустов, осыпая меня проклятиями.

– В следующий раз езжай прямо на нее! – возмущалась она. – И лучше дави голову. Хвост – самое вкусное.

Примерно еще через час пути дама дала команду остановиться, и мы в полном составе отправились собирать питури. Она чуток схитрила: сама пошла по теневой стороне дороги, а нас с Антеей отправила на солнечную. Когда мы возвратились ни с чем, потратив битый час на поиски, дама сказала, что на солнце питури вообще-то не растет, хотя всегда не мешает проверить.

Пока нас не было, она со своими племянницами съела все наши припасы и выпила большую часть воды. Перевалило за полдень; градусник едва не закипал. Температура приближалась к 45 °С.

– Ну, зато у нас есть питури, – утешила я Антею. – Можно ехать назад.

– Вообще-то нет, – отозвалась наша предводительница. – Нам нужно дерево.

Жевательную смесь из питури изготавливают, смешивая листья растения с золой, которую можно получить только из коры определенного вида деревьев, растущих в буше. Надо было его найти – иначе никакого питури. *Черт тебя подери!* – ругнулась я про себя. Пот тек с меня градом, но я была решительно настроена довести дело до конца.

Весь следующий час мы разъезжали на джипе по бушу, время от времени указывая даме на разные деревья, но она лишь качала головой – *нет*. Когда, наконец, нужное дерево нашлось, она велела мне лезть вверх и сдирать кору. От обезвоживания я немного отупела и, только поднявшись до середины ствола, подумала, почему вместо меня она не послала кого-нибудь из племянниц. Я посмотрела вниз, собираясь задать им этот вопрос, но обе девицы и их тетушка исчезли. Они нырнули куда-то в кусты и теперь громко призывали нас с Антеей к ним присоединиться. Оказалось, одна из них обнаружила нору ехидны, и они страшно обрадовались перспективе разжиться к ужину свежей ехиднятиной. Еще сорок пять минут наша дама посиживала под деревом, пока мы раскапывали нору, чтобы выловить ее еду, но ловкая маленькая тварь оказалась проворней и сумела улизнуть. Правда, неподалеку нам попалось гнездо медовых муравьев, и вместо ехидны мы прихватили с собой его.

К тому времени, когда мы подрулили обратно к домику из пеноблоков, и я, и Антея просто умирали от жары. Дама пригласила нас на чашку чая, и мы согласились, хотя страшно перепачкались, выбились из сил и мечтали скорей вернуться в общежитие, чтобы нырнуть в бассейн. Однако отказ ее бы обидел, так что мы остались, о чем впоследствии не пожалели. Она выжала в чай медовых муравьев, и вкус оказался потрясающим.

Позднее коллеги просветили нас, что «охота на питури» являлась своеобразной больницы традицией. Пожилая дама практически всех возила в буш, съедала припасенный ланч, выпивала всю воду и отправляла «бледнолицых» на дерево за корой. Конечно, она над нами издевалась, но это было частью веселья.

Мне очень нравилась одна маленькая девочка по имени Джун, частая гостя в нашем педиатрическом отделении. Она была относительно пухленькая – особенно с учетом того, как тяжело болела, – и предпочитала, чтобы ее носили на руках, а не сажали в кроватку. Меня сильно тревожило, что она попадает в больницу снова и снова. Я очень хотела разузнать, что происходит в ее семье, но она жила в глухой деревушке, и я понятия не имела, в каких условиях. Единственный, кто навещает таких пациентов на дому – полевые фельдшеры, но это совсем другая область здравоохранения. Они живут в местной общине, обычно у черта на куличках. Элис-Спрингс, конечно, тоже не центр Вселенной, но это был хотя бы город.

Фельдшеры, с которыми я пересекалась, восторженно отзывались о своей работе. Они обожали жить на природе и тесно общаться с коренным населением, которому помогали и в болезни, и в здравии. Некоторые из них перенимали обычаи аборигенов, носили дреды, сажали огородики и участвовали в шаманских ритуалах. Я не была готова к дредам и плохо смыслила в огородничестве, но идея пожить в каком-нибудь из племен мне понравилась.

Проблема заключалась в отсутствии у меня необходимого опыта. Фельдшеры работают в одиночку; они лечат и взрослых, и детей, так что мне предстояло освоить новые навыки. Через год после переезда в Элис я попросила перевести меня из педиатрии в отделение скорой помощи.

Работать там приходилось куда интенсивней, чем с детьми. К нам привозили взрослых пациентов с болями в груди и проблемами, вызванными диабетом, с пневмонией и прочими болезнями, чтобы мы направили их в нужное отделение, но в основном мы сталкивались с последствиями травм – ранами и переломами. Часть их относилась к стандартным, какие попадают во всех отделениях скорой помощи, но с некоторыми можно было столкнуться только в наших условиях.

Вскоре после перевода меня отправили чистить рану пожилой женщине-аборигену, выдав пинцет и перекись водорода. Но я, вроде как, привыкла к тампонам и йоду.

– Это зачем? – поинтересовалась я.

– Вытаскивать личинок, – ухмыльнулась другая сестра мне в ответ.

– Заливаешь рану перекисью, личинки высовываются, и ты их вытаскиваешь за головы пинцетом.

Пожилая пациентка лежала смирно и ласково улыбалась все долгие часы, пока я промывала ей рану на ноге и охотилась на крошечных паразитов. У меня даже выработался собственный ритм, и это радовало. Как я впоследствии узнала, таких пациентов в больнице было навалом. Открытые раны на жаре немедленно привлекали насекомых, так что личинки плодились и множились. Помню, однажды мне попалась женщина с инфицированной раной на голове, у которой ими кишел весь скальп.

Еще одной проблемой, типичной для Элис, оказались травмы при ДТП. Поблизости ежегодно проходили гонки на мотоциклах, непременно сопровождавшиеся многочисленными авариями. Мотоциклисты разгонялись до бешеных скоростей на нашем пустынном шоссе и сталкивались, к примеру, с верблюдом. Немало неприятностей доставляли и туристы: они ехали через Элис-Спрингс с севера на юг в своих древних домиках на колесах с перетертыми ремнями безопасности. Когда такой транспорт с семью-восемью пассажирами попадал в аварию, это было ужасно. Однажды при столкновении из крепления выскочил газовый баллон и проломил девушке грудную клетку. Когда ее доставили к нам, у нее в груди зияла дыра размером с этот баллон.

Следующим видом травм, распространенным в Элис, были последствия пьяной драки. Алкоголизм вообще представлял там серьезную проблему и, к тому же, приводил к насилию, отчего в больницу тек непрерывный поток окровавленных драчунов. Простого решения тут не существовало; со временем ты к этому привыкал, а кое-какие эпизоды казались даже забавными.

Помню, в один особенно загруженный день я отвечала за прием пациентов, пока старший персонал занимался двумя тяжелыми случаями с кодом 1: жертвой ДТП и сердечным приступом. В отделении царил неразбериха, в зале ожидания скопилось уйма людей. Моей обязанностью был первичный осмотр, в котором я тогда еще не поднаторела. Пациенты сильно возмущались длительным ожиданием. И тут на пороге появился Джонни, парень из аборигенов, завсегдатай пьяных посиделок, которые местные устраивали в пересохшем русле реки. Ему определенно не мешало помыться, и пахло от него неважно, кроме того, он почему-то был босиком. Пока он пробирался к моему посту, остальные в зале ожидания возмущенно фыркали. *Чертовы расисты*, – подумала я. Может, он не отличался любовью к водным процедурам, но все-таки был местным. Я хорошо его знала.

– Систер, – просипел он, – у меня чёт с ногами.

– Что ты имеешь в виду, Джонни?

– Да я вот шел сюда от самого центра, и теперь с ними чёт не то.

Я перегнулась через стойку, чтобы посмотреть на его босые ноги с мозолями и потрескавшейся кожей.

– Приятель, у нас тут куча народу, – сказала я ему. – Вряд ли мы сможем заняться ими сегодня.

– Систер, с ними вообще швах, – настаивал он.

– Ладно, Джонни, присядь. Посмотрю, что мы сможем сделать.

Он развернулся, и тут я увидела здоровенный нож, торчащий у него прямо между лопаток.

– О боже! Немедленно вернись, – воскликнула я, выскакивая из-за стойки и спеша навстречу ему.

– Что с твоей спиной, приятель? *Как ты вообще стоишь на ногах?*

Джонни покосился себе через плечо, рассматривая нож, как будто забыл, что он там есть.

– А-а, да, – просипел он. – Та женщина, очень плохая – она мне воткнула нож в спину, вот и пришлось к вам идти, от самого центра... и теперь с ногами чёт не то.

Всего я провела в Элис полтора года: год в педиатрии и шесть месяцев в скорой помощи. С тех пор немало воды утекло, но работа с аборигенным населением оставила у меня в душе глубокий след. Большинство его проблем было связано с условиями жизни, и я с грустью сознавала, насколько коренное население, обитающее в резервациях и собственных поселках, отчуждено от общества. Но что я могла поделать? Аборигены разрывались между традиционным образом жизни и городскими удобствами. Они хотели иметь под рукой KFC и супермаркеты, хотели, чтобы их дети учились, но для этого надо было переселяться ближе к школам. Они перестали быть кочевниками, но горожанами так и не стали, застряв где-то на полпути, в вечно подвешенном состоянии.

Медицинские работники в Элис были прагматиками. Они решали проблемы по мере поступления, не позволяя им взять над собой верх. Они старались максимально использовать свои ограниченные ресурсы, проявляли гибкость, которую вы вряд ли встретите в больших городских госпиталях. Многие из них, настоящие подвижники, посвятили всю жизнь работе с коренным населением.

Меня сильно вдохновил их пример. Уезжая из Элис-Спрингс, я еще не знала, куда подамся дальше, но очень хотела путешествовать. Будущее казалось туманным, но в одном я была уверена: я, наконец, поняла, какой медсестрой хочу стать.

2

Гориллы в тумане

Покинув Элис-Спрингс, я поехала в Африку, в этакий своеобразный тур на Кон-тики. Я заплатила полторы тысячи долларов, чтобы за три месяца проехать через весь континент в кузове грузовика с ночевками в национальных парках или дешевых хостелах. Каждый день мы всей группой ходили на местные рынки за продуктами, а вечерами по очереди готовили ужин. Это было мое первое путешествие за границу и первое «А» в моем списке: Африка, Антарктика, Амазония. Я хотела посмотреть все эти места, пока еще молода и полна сил. Мне казалось, по Европе можно кататься и в старости. А вот чтобы пересечь Африку на грузовике, нужна недюжинная выносливость.

Мы стартовали из Кении, по Рифт-Валли добрались до Уганды и дальше до Танзании. Останавливались в хижинах из листовой жести с земляным полом в африканских трущобах, посещали деревушки, притулившись на краю гигантских равнин, прыгали по ухабам на старых автобусных скамьях, прикрученных к полу в кузове грузовика. Кузов был обтянут парусиной, которую в погожие дни мы поднимали, чтобы разглядывать окрестности. У нас не было никаких айфонов, нас ничто не отвлекало. Пейзажи сменялись, разительно не похожие друг на друга.

За два месяца до нашего приезда в Уганде застрелили нескольких туристов, отправившихся в горы посмотреть на горилл. Национальный парк закрыли, поэтому многие отменили запланированный тур туда. В грузовике нас осталось шестеро, и мы были первой группой, которая собралась в парк после инцидента. Мы приехали на следующий день после того, как парк снова открылся для посещений, с вооруженным сопровождением, по новому протоколу безопасности.

Я тогда увлекалась фотографией – даже закончила курсы в Элис-Спрингс – и потащила с собой в джунгли целый арсенал аналогового фотографического оборудования, надеясь сделать уникальные снимки больших приматов в дикой природе. И не прогадала. На вершине горы мы встретили группу горилл, в том числе двух серебристых самцов, напряженно уставившихся друг на друга. Большая редкость повстречать двух доминантных особей в одной стае – судя по всему, сын недавно потеснил отца с роли вожака, и старик с этим еще не смирился.

Я разглядывала их в объектив фотоаппарата, непрерывно шелкая затвором; я снимала на черно-белую пленку с красным фильтром, и в видоискателе обезьяны и джунгли вокруг отражались в красном монохроме. А потом в фокус попал мужчина с автоматом наперевес, выходящий из зарослей, и еще трое за ним.

На секунду я подумала, что мы пропали – *тут убивают туристов*, – но люди с автоматами спокойно шли в нашу сторону, и охрана нисколько не волновалась. Оказалось, это патруль, отслеживающий браконьеров – такие же охранники, обеспечивающие нашу безопасность. Они не проявляли признаков агрессии, и наши сопровождающие тоже; по языку из тел я поняла, что все в порядке.

Вернувшись в Африку какое-то время спустя, я вспоминала тот момент как любопытный урок по оценке рисков. Сам факт, что человек разгуливает по джунглям с автоматом Калашникова, еще не делает его убийцей; с другой стороны, как позднее оказалось, наличие охраны – не повод расслабляться.

Дальше в ходе тура мы посетили деревню Масаи-Мара в Танзании. Завидев наш грузовик, члены племени бросились по своим хижинам, на ходу сбрасывая с ног кроссовки, чтобы переодеться из обычной одежды в национальные костюмы. Они столпились вокруг нас и повели по деревне; на пути я заметила девочку с гнойным воспалением в ухе. У меня были

с собой ушные капли с антибиотиком – обязательный атрибут походной аптечки, – так что я вызвалась ее полечить: промыла ухо и отдала матери пузырек, объяснив, как пользоваться лекарством. Семья так обрадовалась, что подарила мне церемониальное копье.

Как ни странно, здоровье тех африканцев, да и большинства других, с которыми я сталкивалась в поездке, было куда лучше, чем у аборигенов из Элис-Спрингс. Они жили в глинобитных домиках с земляными полами, но кожными и кишечными инфекциями страдали гораздо реже, равно как хроническим насморком или чесоткой. У детей были чистые глазки и блестящие волосы, они отнюдь не выглядели недоедающими, как малыши из Элис.

Я стала присматриваться: вдоль дорог часто попадались мамыши, отмывающие ребятишек в импровизированных ваннах из пластиковых ведерок и вычесывающие им волосы, пусть даже сильно спутанные. Эти процедуры определенно сказывались на состоянии здоровья малышей. Забота об их благополучии начиналась с семьи, а не с госпиталя или клиники, и я постепенно начала понимать, чего нам не хватало дома.

3

Бейрут в Австралии

В детстве нам с сестрой на Рождество обязательно покупали новые платья. На следующий день мы их надевали и садились в самолет. Добравшись на Боинге из Сиднея в Кернс, мы ночевали у тетки, которая наутро отправляла нас на «кукурузнике» внутренних авиалиний дальше на север. Через три часа полета мы оказывались у отца.

После того, как они с мамой разошлись, он переселился в самую северную точку Австралии, в город Бамага на полуострове Кейп-Йорк. Это дикие, глухие австралийские дебри. Шесть месяцев в году туда нельзя добраться на машине, потому что дороги в сезон дождей полностью затоплены.

Прежде чем впервые отправить нас к отцу на каникулы, мама попыталась провести подготовительную работу. Население Бамаги составляло каких-то пару сотен человек, и это были, в основном, аборигены. Мы выросли в Сиднее, исключительно среди белых, и мама не хотела, чтобы мы совершили какую-нибудь оплошность, просто по незнанию. Она рассказала, что в Бамаге много коренного населения, потому что волновалась, как бы мы не опозорились, но подготовка возымела обратный эффект. Моя сестра только об этом и думала. «Ты смотри, они же все черные!» – завопила она, стоило нам сойти с самолета. Папа в облаке пыли бросился к нам, чтобы спасти от самих себя.

Когда я вернулась из Африки, то нашла себе работу полевого фельдшера, о которой так мечтала, именно в тех краях, куда ездила на каникулы к отцу: в аборигенной общине на западном побережье Кейп-Йорка, в местечке Орукун. Несмотря на небольшие размеры, Орукун пользовался громкой славой – правда, исключительно печальной.

История у него была непростая. Когда-то в тех местах состоялся первый контакт европейцев с аборигенами, но сам городок возник только в начале XX века. Его основали в 1904 году как пресвитерианскую миссию, правительственный аванпост, возглавляемый религиозными фанатиками, куда собрали членов пяти разных местных племен. Эти племена, известные как народы Вик, вытеснили с их исконных земель и переселили в Орукун, где они прожили сорок лет под предводительством главы миссии Уильяма Маккензи. Этот легендарный персонаж был настоящим чудовищем. Маккензи обращался с аборигенами как с животными, держал их в постоянном страхе, отбирал детей у родителей, что привело к появлению у народов Вик своего «потерянного поколения». Все это делалось во имя Господа, но последствия его правления отзывались в истории коренных племен еще многие годы. Десятилетия спустя после смерти Маккензи, люди продолжали о нем говорить – притом весьма нелестно.

В какой-то момент в эту печальную историю добавился еще и алкоголь, а вместе с ним неизбежное насилие. Орукун приобрел плачевную репутацию, чему немало способствовало ангажированное освещение тамошних событий в новостях, и к концу девяностых он считался одним из самых проблемных регионов в стране.

Я, соглашаясь на работу, ничего этого не знала, зато знал мой отец. К тому времени он перебрался в Кернс и сильно удивился, услышав о моем новом назначении. Он, правда, сказал только, что Орукун называют австралийским Бейрутом – ничего более. Он не вскричал *не смей туда ехать*, что многое говорит о моем отце. Он всегда был невозмутимым. В детстве он возил нас с сестрой купаться в реке Джардин, славившейся обилием крокодилов. Когда, уже став взрослой, я напомнила ему об этом, он буркнул в ответ:

– Тогда их было меньше.

Иными словами, представления отца об опасности немного отличались от общепринятых, но я ничего не имела против. Его жизнь казалась мне ужасно интересной. Мне нравилось проводить лето в Бамаге, раскатывая повсюду в кузове отцовского пикапа, жечь костры, рыбачить и плавать с крокодилами.

Орукун я представляла похожим на Бамагу. То, что до ближайшего города оттуда полсутки езды, меня не смущало. И вообще, я не планировала задерживаться надолго. Но когда в местной клинике узнали, что моя партнерша тоже медсестра и мы ищем постоянную работу, нам предложили длительные контракты.

В результате мы пробыли в Орукуне долго – гораздо дольше, чем следовало.

В 2000 году в Орукуне имелась одна школа, один полицейский участок, один супермаркет и одна поликлиника. Город стоял у слияния трех рек – Уорд, Уотсон и Арчер, которые стекались из разных регионов Кейп-Йорка и впадали в залив Карпентария. С воздуха Орукун выглядел крошечным сухим пятнышком на одеяле зеленых болот: пять улиц на пять рядом с бокситовым летным полем. Вместо аэропорта на поле стоял расшатанный навес, рядом – бак с керосином. Пекло там страшно, но не сильнее, чем в Элис, и повсюду была зелень.

На главной улице росли манговые деревья, посаженные еще при первой миссии. Местные старухи рассказывали, что Маккензи заставлял их полировать листья тряпками, а детей, воровавших манго, сек высушенным хвостом морского ската. На другой улице на сваях стояли характерные особнячки в квинслендском стиле, выкрашенные в ярко-желтый, оранжевый и синий цвета. Остальные постройки в городе были из пеноблоков – серые, они уныло возвышались над красноватой глиной дорог.

В конце Маккензи-драйв, у причала, находилось единственное в городе питейное заведение, таверна «Три реки». Она торчала там, словно бородавка – больше зданий ценой в миллион долларов в городке не было. Бизнес шел на ура. Поговаривали, что местный совет расплатился с кредитом на строительство всего за год. Администрация решила, что лучше завести собственный паб, чем продолжать борьбу за сухой закон, из-за которого подпольная торговля спиртным достигла небывалого размаха. Чтобы провезти алкоголь в город, где он полностью запрещен, нарушители пойдут на любые ухищрения; но если пару дней в неделю спиртное там будет доступно, их энтузиазм наверняка поубавится.

Таверна «Три реки» работала с четверга по субботу, и всего три часа в день. Там подавали только пиво, и только в зале – не навынос; если вдруг начиналась заварушка, городская администрация командовала закрыть бар. Но хотя изначально считалось, что с его помощью спрос на спиртное упадет, теперь было очевидно, что прогнозы себя не оправдали. Когда я приехала в Орукун, спрос значительно превышал предложение. Какие там заварушки – сплошное пьяное буйство.

В первые же выходные после приезда я ощутила это на себе. В пятницу вечером к поликлинике подкатила машина, из которой вывалилась целая толпа: крича и стеновая, они занесли в двери мужчину без сознания. Язык у него распух и перекрыл дыхательные пути – из-за укуса тайпана, ядовитой змеи, – он мог вот-вот отдать богу душу. Я взялась его интубировать, но тут в поликлинику ввалился следующий, молодой парень с глубоким порезом в форме полумесяца на щеке. Передав укушенного другим сестрам, я осмотрела рану. Парень сказал, что его полоснули шипом морского ската – излюбленным оружием местных жителей. (Коллеги меня предупреждали, чтобы я не оставляла медицинский инвентарь без присмотра – хулиганы воровали из поликлиники эластичные бинты и с их помощью закрепляли шип на ладони, а потом дрались как настоящие гладиаторы). Щека у моего пациента оказалась прорезана навылет – в ней зияла сквозная дыра.

Главного фельдшера поликлиники Орукуни звали Питером; он прожил там больше шести лет и даже в кризисных обстоятельствах никогда не терял хладнокровия. Питер велел мне зашить рану, но я воспротивилась: шить я толком не умела, тем более – кожу на лице.

– Не волнуйся, справишься, – спокойно ответил Питер, вытаскивая из кармана фломастер.

Он нарисовал на щеке крестики, чтобы я знала, где накладывать швы.

С преувеличенным старанием я вымыла и простерилизовала руки, потом надела хирургические перчатки. Одолеваемая сомнениями, я, по сути, просто тянула время. Когда первый стежок был, наконец, сделан, Питер заглянул в кабинет и сообщил, что весь остальной персонал едет на аэродром отправлять укушенного в больницу: они вызвали медицинскую авиацию, и пациента эвакуируют.

– Держись, – напутствовал он, – мы скоро вернемся.

В поликлинике находились и другие пациенты, но не в критическом состоянии – по крайней мере, насколько я знала, – поэтому мне оставалось только закончить со швами. Пациент сидел абсолютно спокойно. У него оказался высокий болевой порог, что облегчило мне задачу, поскольку процедура в моем исполнении сильно затянулась.

Я уже заканчивала, как вдруг услышала снаружи странный шум: какие-то шорохи, сдавленный хрип и глухой удар. Я выскочила из кабинета и увидела, что женщина повесилась на карнизе для штор, обмотав простыню вокруг шеи. Раньше при мне никто не вешался, так что я от удивления обомлела: уставившись на нее, я держала в воздухе руки в перчатках, и моей единственной мыслью было *«черт, мне нельзя ее трогать, перчатки стерильны»*. Но в следующий миг я уже бросилась вперед, подставила плечо и приподняла ее, а потом развязала простыню, и пациентка упала на кушетку. Падение было таким звучным, что я вздрогнула; от волнения я забыла придержать ей шею. *Слава богу, у меня хватило сил снять ее самой*, – все еще оторопевшая, думала я. Понятия не имею, с какой стати та женщина вдруг решила покончить с собой.

Со временем я узнала, что попытки самоубийства происходили в Орукуне регулярно – иногда как реакция на печальные события, иногда как крик о помощи. Моя пациентка, конечно, страдала, но все-таки ей повезло. Как выяснилось в дальнейшем, многие попытки оказывались успешными.

Я присидела с ней до возвращения остальных медсестер, напрочь забыв о незаконченных швах и парне с дырой в щеке. Когда я вернулась в кабинет, его там не оказалось. *Боже мой*, – подумала я, – *это очень плохо*.

Питер сказал мне не беспокоиться, парень сам вернется, но прошло несколько дней, а он так и не появился, так что я решила, что должна сама его разыскать. Я позвала с собой еще одну сестру, работавшую в Орукуне дольше меня. Городок был небольшой, все друг друга знали, так что она представляла, куда надо ехать.

Когда мы добрались до дома того парня, он сидел на крыльце, а на щеке у него чернело громадное пятно. *О черт, это некроз*, – испугалась я. – *Я его изуродовала!* Коллега подозвала парня, и когда он подошел к машине, я заметила мою иглу, которая на шелковой нитке свисала у него из щеки, и что-то вроде черной грязи, размазанной по лицу. Похоже, некроза не было.

– Ты что сделал с лицом, а? – спросила я.

– Мухи так и липли, – пожал он плечами. – Сусликом дрожжевым намазал.

Вернувшись в клинику, я смыла липкую смесь у него с лица и сняла швы. Словно по волшебству, рана полностью затянулась. Не осталось даже шрама! Я пережила первую неделю в Орукуне, и никто не пострадал – по крайней мере, по моей вине.

Мы с моей партнершей жили возле аэродрома, напротив полицейского участка и примерно в пятидесяти метрах от морга. У нас была собака – ротвейлер – по кличке Кейта, иде-

ально выдрессированная, в отличие от местных дворняг, вечно пытавшихся куснуть тебя за голень.

Никаких развлечений в Орукуне не было: ни кино, ни торговой улицы. Единственный магазинчик с крайне скудным ассортиментом, но ничего даже отдаленно напоминающего ресторан. Через несколько месяцев после нашего приезда открылась забегаловка с жареной курицей, и это стало чуть ли не национальным праздником. Курица с картошкой-фри показалась нам пищей богов.

Раз в месяц мы по факсу отправляли заказ в «Вулворт» в Кернсе; продукты доставляли оттуда на корабле, шедшем вокруг мыса. Овощи к моменту прибытия успевали завянуть, а о свежем молоке не приходилось и мечтать, однако мы сумели договориться с видеопрокатом и вместе с заказом получали несколько свежих фильмов.

В свободные дни или по вечерам, когда не было вызовов, мы совершали пробежки по взлетной полосе, смотрели кино или играли в видеоигры. В хорошую погоду ездили за город, жгли костры и спали в палатке, но в основном работали. Поликлиника обычно была перегружена, а работало в ней всего пять человек. Порой мы дежурили по восемьдесят часов в неделю.

Врачей в Орукуне не было, и медицинские услуги оказывали только мы, сестры. Мы делали прививки и следили за состоянием пациентов с хроническими заболеваниями типа диабета и гипертонии, мы же оказывали первую помощь при несчастных случаях и травмах. Каждый четверг к нам приезжал доктор, который принимал три дня в неделю, но в остальное время нам приходилось справляться самим. Если случай был серьезный, мы вызывали медицинскую авиацию, и пациента забирали в Кернс.

В результате нам приходилось делать такие вещи, которые обычно не поручают медсестрам. Швы на лице оказались лишь началом – в городе их точно накладывал бы врач. Дважды мне приходилось интубировать пациентов, один раз я даже вставляла в грудь мужчины односторонний клапан, чтобы снизить давление воздуха, возникшее в результате ножевого ранения – к счастью, когда это произошло, я вспомнила, как выполняли процедуру врачи медицинской авиации. Поножовщина в городе случалась регулярно.

Однажды ночью меня вместе с другими сестрами вызвали к молодой девушке с проникающим ранением в брюшную полость, длина которого оказалась не меньше пятнадцати сантиметров. Она закашлялась, и желудок с кишечником вывалились наружу; они торчали из тела, удерживаемые на месте лишь тонкой пленкой, проходящей под мышцами. Когда я пришла, девушка лежала на столе с внутренностями, свисающими из живота, а на ее спине зияла еще одна ножевая рана. Нам пришлось увлажнять внутренние органы с помощью холодных компрессов и пищевой пленки; рану на спине мы прикрыли альгинатной повязкой, которая содержит морские водоросли и разбухает, останавливая кровотечение. В городе, даже таком небольшом, как Элис-Спрингс, ее немедленно доставили бы в хирургию, но тут нам пришлось несколько часов поддерживать пациентку в стабильном состоянии, дожидаясь вызванного самолета.

Пускай я не получила высшего медицинского образования, у меня появилась возможность приобрести продвинутые врачебные навыки. Мне приходилось на ходу осваивать приемы первичного обследования и лечения пациентов, думать наперед и быстро приспосабливаться к неожиданным ситуациям. Отчасти поэтому мне и понравилось в Орукуне – там было интересно работать медсестрой.

Кроме того, я любила взаимодействовать с местным населением. Первая помощь в Орукуне воспринималась в гораздо более широком смысле, чем в Элис-Спрингс, профилактика также составляла значительную часть нашей работы. Люди не всегда обращались за помощью, так что мы приходили к ним. Мы ухаживали за стариками, делали прививки детям из окружающих поселков, время от времени даже подрабатывали ветеринарами (я стала гораздо лучше

накладывать швы, потренировавшись на охотничьих псах; а вот корова моего вмешательства, увы, не перенесла).

В городе жил один мужчина по имени Джордж, которого мне нравилось навещать: обаятельный старикан, худой как палка, и обязательно в шляпе, как Данди-Крокодил. Когда-то он был ковбоем и пас местные стада, но теперь страдал от почечного туберкулеза. Мы оказывали ему паллиативное лечение на дому. Однажды Джордж пожаловался, что ему холодно, и родственники соорудили ему очаг прямо в спальне. Дом был деревянный, и они просто прожгли в полу дыру.

Джордж как раз сидел возле этой дыры в своем кресле, когда я как-то раз заглянула его проведать; его внуки торчали на крыльце, слушали музыку и маялись без дела. Старик просил что-нибудь поесть, но им не хотелось готовить: они сказали ему дожждаться, когда откроется забегаловка с жареной курицей, и можно будет заказать еду на дом. *Чертовы ленивые ублюдки*, – подумала я. Джорджу и так приходилось несладко; он заслуживал лучшего отношения. Я вышла на улицу и как следует отчитала этих бездельников, а потом приказала отправляться ловить рыбу или ехать в продуктовый магазин.

– Вечером специально вернусь и проверю, поел он, в конце концов, или нет!

Когда я вернулась, внуков дома не было, но по дому плыл запах курятины. *Гаденьиши дождались-таки, пока заработает доставка*. Джордж по-прежнему сидел в кресле, но на этот раз в руке он держал что-то вроде куриной ножки – только размером с лапу бронтозавра.

– Ого, что это вы едите? – спросила я.

– Ребятки подстрелили для меня журавля, – расплылся в улыбке старик.

Оказалось, его внуки подстрелили даже двух журавлей. Один из них еще жарился в духовке; он был такой огромный, что его когтистые лапы торчали из дверцы.

Пару недель спустя, снова заехав к Джорджу, я поняла, что дела его плохи. Похоже, жить старику оставалось каких-то пару дней. Доктор выписал ему морфин, чтобы снять боль, и весьма щедрую дозу. Мы не рассчитывали, что Джордж еще встанет на ноги. Вводя лекарство, я наблюдала, как его дыхание замедляется и приобретает характерный ритм Чейна-Стокса – длинные перерывы между тяжелыми вдохами, – что указывало на скорый конец. *Каких-то пару часов*, – подумала я. Наступала ночь, пора было ехать домой спать. Я сказала его родным позвонить мне, если появятся новости.

Ночью никто не звонил, поэтому на следующее утро я снова поехала к Джорджу, ожидая обнаружить уже остывший труп. Вместо этого я увидела его сидящим в любимом кресле и уплетающим курицу.

– Хорошее лекарство, систер, – приветствовал меня он. – Надо бы повторить!

Старикан протянул еще целый месяц.

У народов Вик была масса предрассудков относительно смерти. Если в хижине кто-то умирал, ее запирали на несколько месяцев, чтобы улетели духи, а прежде чем снова туда заселяться, окуривали дымом. Когда пациент умирал в клинике, местные старались держаться от нее подальше, даже если серьезно заболевали. Призраки наводили на них ужас.

Как-то я дежурила вечером в субботу; ожидалось, что смена будет спокойной, потому что накануне в клинике умер человек. Однако внезапно на пороге возникла целая толпа, сопровождавшая больного младенца. Родители так боялись идти одни, что притащили с собой человек тридцать-сорок родственников.

Младенцу надо было дать кислород, но в целом его состояние оказалось стабильным – очень кстати, потому что я с трудом могла работать, пока у меня под ногами вертелись остальные дети. Они играли в догонялки, бегая из приемной в процедурный кабинет и громко хлопая двойными дверями. Я уже готовилась пойти и устроить им взбучку, как вдруг они разом затихли. Потом какая-то малышка разразилась слезами.

– Так, что тут происходит? – рывкнула я, выглянув из палаты.

– Там мертвец! Мертвец пошел вон туда! – дети замахали руками в сторону туалета.

Они утверждали, что призрак вошел в приемную, а оттуда двинулся в туалет. Я рассмеялась и велела им не выдумывать.

В понедельник утром, придя на работу, я расспросила о недавнем покойнике. Оказалось, он явился в поликлинику поздно вечером в пятницу и выглядел в целом неплохо, только на шее, куда его ранили ножом, запеклась кровь. Дежурная медсестра, увидев, что он спокойно ходит и говорит, сочла ранение несерьезным, поэтому отправила его в туалет умыться и почиститься. Но когда он стал мыть шею, сгусток крови, запечатавший рану, растворился; кровотечение возобновилось с новой силой, и пациент умер.

Я не знала, как относиться к подобным вещам. Если все, кто умирал в Орукуне, превращались в привидений, их там болталось выше крыши. Только при мне, за три года, убили восьмерых человек – астрономическая цифра для городка с населением не больше тысячи. Большинство убитых стали жертвами домашнего насилия. Дрались в основном мужчины, а погибали почему-то женщины.

Думаю, большую роль здесь играла скука. Городок находился на краю земли, телевизоры принимали всего один канал. Людям нечем было заняться, кроме охоты и рыбалки, алкоголь постоянно маячил на горизонте, а вместе с ним поножовщина и драки. Вендетты передавались из поколения в поколение, от отца к сыну; корни их уходили в те далекие времена, когда пять разных кланов принудительно поселили в тесном соседстве. Порочный круг возобновлялся еще и потому, что люди не знали, куда себя деть.

Пьяницы пили так, будто умирают от жажды, будто их стаканы вот-вот исчезнут. Может, то были последствия кочевой жизни, не приучившей их делать запасы, но казалось, что они торопятся покончить с выпивкой, прежде чем кто-то ее у них отберет. За последнюю банку пива всегда шла битва не на жизнь, а на смерть.

По выходным в городке воцарялся хаос, причем весьма шумный. Некоторые дома традиционно оказывались в центре событий. Из колонок гремела музыка, люди что-то кричали на местном наречии, и все это сливалось в гул, напоминающий театры военных действий. В поликлинике, по крайней мере, пока я находилась в Орукуне, медсестры были в безопасности. Нас очень уважали, и нам ничего не грозило. Но за ее пределами под угрозой оказывались все, особенно женщины и дети. Я своими глазами видела старуху с черепно-мозговой травмой, которую внук избил за то, что она не давала ему ключи от машины.

Беспорядки происходили с прискорбной регулярностью. С четверга по воскресенье завсегдатаи бара напивались, а все остальные прятались по домам. Пока заведение работало, никому не было пощады – даже в Рождество.

Помню, как-то раз я заказала нам для рождественского ужина отбивные, но мою партнершу вызвали в поликлинику, стоило нам усесть за стол. Меня вскоре вызвали тоже, поэтому я оставила стейки на столе, прикрыв тарелкой. Полицейские обнаружили молодую женщину, пропавшую несколько дней назад. Все это время она сидела взаперти в доме матери своего ухажера, избитая до полусмерти, мучаясь от голода и жажды. Мать держала девушку под замком, потому что ее сын находился на поруках, и она не хотела, чтобы он сел в тюрьму.

Приехав в поликлинику, я увидела, что и полицейские, и медсестры ходят побледневшие; стоило мне заглянуть к девушке, и я поняла, почему. Она была вся изуродована, покрыта черными кровоподтеками, с переломанными ребрами и вывихнутой челюстью, едва в сознании. У любого подкосятся ноги при виде человека в подобном состоянии.

Мы принялись за работу, пытаясь стабилизировать пациентку, а в городе тем временем вспыхнула настоящая война между ее семьей и кланом ухажера. Эскалация конфликта тоже была одним из местных обычаев. Порой он длился все выходные. В ту ночь пациенты текли к нам непрерывным потоком, и мы освободились только ближе к утру. Рождество прошло, праздновать не имело смысла. Да и в любом случае наш ротвейлер съел все стейки.

Хотя медицинским работникам в Орукуне порой приходилось несладко, полиции было еще тяжелей. В городке имелось пятеро полицейских, и им постоянно грозила опасность. Они первыми оказывались там, где могли вспыхнуть беспорядки; в их обязанности входило мирить воюющие стороны и не допускать вооруженных стычек. Стоило местным разозлиться, и они попадали под удар. Неоднократно им приходилось запирались у себя в участке, пока хулиганы бушевали снаружи. По крайней мере, у одного из офицеров, с которыми я работала в Орукуне, прослеживались симптомы серьезного пост-травматического стрессового расстройства. Они никогда не знали, какой оборот могут принять события, и жили в вечном напряжении. Медицинский персонал подобного давления не испытывал, но лично я полицейским очень сочувствовала.

Однажды вечером, когда город в очередной раз разделился на две противоборствующих стороны, и казалось, что вот-вот разверзнется ад, кто-то из офицеров мне позвонил и попросил подъехать к ним на нашей старенькой карете скорой помощи, чтобы помочь утихомирить буйнов. Мы использовали ее, чтобы перевозить трупы, поэтому местные жители питали к машине священный ужас.

Я подъехала с включенной мигалкой, под вой сирены, и поставила «скорую» между двумя враждебными лагерями. Противники были вооружены камнями и палками; через улицу они выкрикивали ругательства в адрес друг друга. Офицер, вызвавший меня, пытался договориться с предводителями сторон, делая все, чтобы их успокоить, но конфликт явно зашел слишком далеко, и драки было не избежать.

– Мы их все равно не остановим, – обратилась я к нему. – Может, попросим хотя бы бросить оружие?

Мы сказали заводилам, что драться можно, но только кулаками. Вместе с полицейскими я пошла вдоль толпы, отнимая кирпичи и железные прутья, которые мы складывали возле «скорой». Закончив, мы сели на капот машины и стали ждать. Прямо перед нами примерно восемьдесят человек отчаянно бились друг с другом: сплошная мешанина из рук и ног, сопровождавшаяся громкими криками. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Один за другим пострадавшие покидали поле боя и валялись на землю у колес «скорой», где я оказывала им первую помощь. В порядке очереди я подлатывала их и отправляла по домам.

Однажды я решила, что женщинам в городке требуется отдых от еженедельных потасовок, и начала устраивать для них пикники. По пятницам я заезжала за ними и отвозила на причал, где они мирно угощались лимонадом и чипсами. Посиживая на складных стульчиках и одеялах, они вязали или ловили рыбу. Вечером я возвращалась и забирала их домой.

В один из вечеров мы так сильно задержались в поликлинике, что я не успела съездить за ними до заката. Когда я, наконец, добралась до причала, то в свете фар увидела, что он пуст. Меня чуть удар не хватил. Мои дамы залезли в воду, чтобы наловить наживку для следующей рыбалки, но были там не одни. Совсем рядом я заметила большую черную тень; красные глаза рептилии смотрели на меня из воды. Мы в Орукуне не купались – по очевидным причинам.

– Скорей! Вылезайте на берег! – закричала я, бегом бросаюсь к ним. – Как вам такое в голову взбрело?!

У одной из моих подопечных была ампутирована нога, поэтому выбиралась она особенно долго.

– Да не волнуйся так, систер, – хохотнула она, барахтаясь на мелководье. – Понимаешь, если не обращать внимания на крокодилов, они на тебя не посмотрят тоже.

Подростки в Орукуне увлекались нюханьем бензина. Они, как и взрослые, слонялись без дела, а бензин гарантировал дешевое развлечение. Однако эффект он давал хуже любых ядов: в поликлинику все чаще стали обращаться дети с болезнями дыхательных путей, а в

долгосрочной перспективе бензин мог привести к мозговым нарушениям и отказу жизненно важных органов. Некоторые считали такое увлечение проблемой социальной, я же подходила к ней с точки зрения медицины. Требовалось срочно что-то придумать.

Я собрала ребят, делавших успехи в школе, и устроила мозговой штурм: один из них упомянул о заброшенной городской радиостанции. Как и пара-тройка других нововведений, она была учреждена после крупного правительственного вливания; когда же фонды иссякли, работа станции заглохла. Она занимала две комнатки в домике из пеноблоков, но все оборудование там сохранилось, и мы могли начинать вещание.

Я решила взять за образец программу Рока Эйстеддфода – подобие шоу талантов, в котором сама участвовала в школьные времена, – пропагандирующую полный отказ от наркотиков и алкоголя. Мы решили собрать небольшой клуб и запустить молодежное радио, но все, кто хотел принять участие в его работе, должны были аккуратно посещать школу и отказаться от нюханья бензина.

Я только присматривала за детьми – программу они вели сами. Радио назвали «3-Рей», а логотипом сделали круглое солнышко; в Кернсе мы заказали напечатать его на футболках. Футболки пошли в продажу, а на заработанные деньги были куплены CD. Раз в неделю в эфир выходила двухчасовая программа: дети болтали, ставили музыку, придумывали всякие розыгрыши и передавали приветы друзьям. Мое участие выражалось в кратких вставках на медицинскую тематику. В них говорилось о правильном питании и гигиене; дети сами придумывали к ним песенки и считалки, которые потом исполняли в эфире. Всю неделю они репетировали, что помогало поддерживать в них увлеченность, пока меня не было рядом.

Наша передача стала настоящим хитом. Школьники гордо носили футболки с логотипом «3-Рей», а их родители слушали все эфиры, так что участие в работе станции почиталось за награду. Конечно, всех проблем радио не решило, но у детей хотя бы появилось интересное занятие. Я решила расширить проект и начала устраивать дискотеки для ребят младше двенадцати лет, без наркотиков и алкоголя. Раз в месяц я подключала музыкальную систему к колонкам в старом помещении общественной столовой, и дети под присмотром родни приходили потанцевать и повеселиться. За день перед дискотекой я объезжала городок и еще раз напоминала: никакого бензина. Если унюхаю хоть отдаленно, на дискотеку не пушу. Дискотеки устраивались всего раз в месяц, так что сильно повлиять на ситуацию не могли, но это было уже что-то. А что-то всегда лучше, чем ничего, рассуждала я. В общем, я делала все возможное.

Самое главное – родители и бабушки с дедушками тоже участвовали в дискотеках, танцуя и веселясь наравне с детьми. Когда проект набрал обороты, на них собиралось не меньше 150 человек. И я занималась ими одна, тратя свое редкое свободное время. Но дело того стоило. Дискотеки проходили по средам, когда бар не работал, и жители городка пребывали в благодушном настроении. Мирный вечер в Орукуне был неплохой сменой обстановки.

Когда бар в Орукуне был закрыт, дети играли на улицах в крикет, семьи вместе выезжали на рыбалку. Иногда в школе проходили концерты: ребяташки пели традиционные песни и исполняли танцы аборигенов, все еще составлявшие неотъемлемую часть их культуры. В Орукуне жило много хороших людей, которых я уважала, но мое время занимали не они. Работая медсестрой, я видела местную жизнь без прикрас, и сталкивалась с ее минусами, а не плюсами. В памяти у меня запечатлелись не мирные деревенские радости, а алкогольное буйство, вспыхивавшее по выходным, и постоянное насилие. Я очень от них устала.

Последний мой день рождения в Орукуне оказался худшим в моей жизни. Я устроила вечеринку, куда пригласила персонал поликлиники, учителей из школы и полицейских. Все, кроме дежурной медсестры, выпили по паре банок пива. Потом зазвонил телефон, и дежурная сестра помчалась в поликлинику. Зазвонил опять – вторая последовала за ней. Третий звонок – это был уже плохой знак, – заставил уйти третью медсестру.

После того как вызвали двух полицейских, у которых был выходной, телефон прозвонил в последний раз – настала очередь ехать мне с моей партнершей. По соседству, прямо в доме напротив, случилось что-то серьезное, полиции требовалась помощь. Мы обе выпили, но что оставалось делать? Кроме нас, других медработников не было.

Нас провели за полицейское ограждение, в дом. Он казался абсолютно пустым; разве что в углу валялся трехколесный велосипед, и какая-то женщина спала в коридоре прямо на полу. Мебели там не было, стены покрывала сажа. Кто-то окликнул нас из глубины дома, мы пошли на голос и оказались на месте преступления. В задней комнате лежала девушка с головой, почти отрезанной от тела. Все вокруг было забрызгано кровью. Непонятно как, но она все еще жила. И дышала через дыру в шее.

Мы хорошо ее знали. Она и раньше становилась жертвой домашнего насилия; ее мужа посадили за это в тюрьму. Мужчины, которых туда отправляли, получали сытную еду, не потребляли алкоголь и тренировались в спортзале. В тюрьме они становились здоровей, сильнее и злее.

Я подумала об интубации, но эта затея не имела смысла. Мы ничего не могли поделать с перерезанной сонной артерией, крови для переливания в поликлинике не было. Моя партнерша сказала мне ехать туда и подготовить палату – просто чтобы чем-то занять. Мы обе знали, что она не выживет.

Добравшись до поликлиники, я получила по телефону другое распоряжение – готовить морг. Девушка умерла, тело везли к нам. Морг работал не постоянно; мы включали охлаждение, только когда кто-то умирал.

Повернув выключатель, я поняла, что больше мне заняться нечем. Вернулась домой, вся забрызганная кровью. Вечеринка тем временем продолжалась. Оставшиеся гости были учителями – не полицейскими и не медработниками, – так что рассказать им о случившемся я не могла. Не могла и не хотела. Не хотела ничего говорить. Хотела просто продолжить праздновать. Поэтому я пошла в ванную, переоделась и присоединилась к своим друзьям – не обмолвившись ни словом. Мне и в голову не пришло, что я веду себя странно. Подумаешь, очередная разгульная ночь в Орукуне.

Партнерша, вернувшись домой, застала меня пьяной и хохочущей во все горло; вечеринка была в самом разгаре. Она сделала то, что, в принципе, следовало сделать мне: выпроводила всех из дома. Мы поссорились, но мои аргументы выглядели бледно. *Сегодня не моя смена. Я сделала все, что могла. У меня день рождения.* Но как я могла, увидев то, что увидела, вернуться домой и открыть следующее пиво? *Ты преувеличиваешь. Если бы я каждый раз по таким поводам впадала в тоску, то давно бы сохла.*

Прошло немало времени, прежде чем я поняла, что моя девушка была права. За несколько лет, проведенных в Орукуне, насилие и жестокость я стала воспринимать как норму. Я была к ним глуха – и не только я, что усугубляло ситуацию. Помню, мы пошли на праздник к одной из наших медсестер и увидели, как к моргу подъехала машина – это означало, что кто-то из местных умер. Всех возможных жертв мы знали наперечет. И делали ставки на того, чья очередь пришла.

Черный юмор был в Орукуне в ходу. Мы делали все возможное, чтобы облегчить положение аборигенов, но наша работа заключалась в зашивании ран. Предупредить преступление мы не могли. Со временем мы привыкали смеяться – просто чтобы снять напряжение. Но я дошла до той точки, когда больше не могла шутить – и не могла выносить все это.

Последней каплей стали дети. Около двадцати детей в городе заразились сифилисом. Старшему было семнадцать, младшему – три. Мы думали, что между детьми семи-восьми лет болезнь передавалась при имитации секса. Они спали вместе с родителями и наблюдали их сексуальную жизнь с малых лет. А потом имитировали увиденное. У подростков сифилис распространился через обычный секс, но начался он не с них. Их заразил кто-то из взрослых.

Я немало потрудилась, чтобы выявить всю цепочку. Я использовала все доверие и влияние, приобретенное благодаря радиостанции и детским дискотекам, чтобы разобраться, как все произошло. А потом доложила, по всем правилам, в социальную службу Квинсленда.

Обвинение выдвинули против одного-единственного человека: семнадцатилетнего мальчишки. Он находился в сексуальных отношениях с четырнадцатилетним, открытым гомосексуалистом, и обвинялся в растлении малолетних. Я подозревала, что четырнадцатилетний был жертвой инцеста, и указывала на этом в своем отчете, но расследования толком не проводилось, потому что местные не шли на контакт. Пострадали двое подростков-геев, остальным детям ничем не помогли, я же умудрилась за пару дней полностью лишиться всяческого доверия. Это меня и сломало. Я решила, что с меня хватит.

Как все жители городка, медсестры в Орукуне злоупотребляли спиртным. Стресс подтачивал наши силы. За три года, проведенных там, я сильно прибавила в весе и к концу пребывания в постоянном раздражении. Мне оставалось доработать каких-то полтора месяца, чтобы получить бонус в шесть тысяч долларов, но я все равно решила уйти. Другие сестры говорили, что я сумасшедшая, если не хочу дождаться денег, но на бонус мне было наплевать. Я чувствовала, что если не уеду сейчас же, то могу не уехать вообще. Что-то внутри говорило мне, что время пришло.

Мы с моей партнершей расстались, и я вернулась в Брисбен, где купила дом. Следующие три месяца я не делала ничего – просто отдыхала. Орукун оказался моим самым тяжелым местом работы, но никакой реабилитации после него медикам не полагалось. Мне пришлось самой позаботиться о себе. Три месяца я каждое утро ходила плавать. По вечерам красила дом. Я не хотела слушать чужих мнений относительно проблем Орукуна и избегала разговоров о нем. Собственно, все три месяца я старалась вообще не разговаривать. Я не понимала, что со мной не все в порядке – по крайней мере, пока. Просто хотела побыть одна.

4

Любите коров – не «любите» коров

В 1859 году швейцарский предприниматель Анри Дюнан стал свидетелем ожесточенного сражения между Францией и Австрией, после которого на поле битвы осталось лежать 40.000 убитых и раненых. Потрясенный зрелищем этой бойни и полным отсутствием медицинской помощи солдатам, Дюнан уговорил местное население взять заботу о них на себя. Солдаты получали лечение вне зависимости от того, на чьей стороне сражались, а медсестры, жительницы близлежащих деревень, сохраняли нейтралитет. Позднее Дюнан написал книгу, где призывал к созданию национальных волонтерских организаций для оказания помощи раненым в боях. Так появился Красный Крест, одна из старейших и наиболее уважаемых гуманитарных организаций в мире.

В наше время Красный Крест представляет собой широкую сеть национальных агентств, финансируемых собственным правительством, с единым управляющим органом, Международной федерацией Красного Креста. Вместе с Международным комитетом Красного Креста, отвечающим за гуманитарные операции в зонах конфликтов, национальные агентства обеспечивают медицинскую помощь жертвам войн и природных катастроф. Они также занимаются восстановительными работами в зонах конфликтов, кризисов и нищеты. И всегда, в любых условиях, сохраняют нейтралитет и независимость.

Я мало что знала об этой организации, когда в 2003 году подала в нее заявление. Для всех, кто хочет заняться гуманитарной работой, поступление в Красный Крест является заветной мечтой, шансом поработать в зонах конфликтов и природных катастроф в разных странах мира. Я не то чтобы стремилась к гуманитарной работе, но очень хотела снова оказаться в какой-нибудь удаленной глухомани. Девять месяцев я пробыла медсестрой в одном из колледжей Брисбена, и мне там страшно надоело. Я хотела поехать по миру, погрузиться в работу, не боясь испачкать рук.

Меня вызвала на собеседование менеджер по персоналу Австралийского Красного Креста, которую звали Шарлотта: она набирала местных медсестер для международных миссий. Шарлотте особенно заинтересовала моя работа в Кейп-Йорке. Она участвовала в миссиях по всему миру, в зонах разных конфликтов и катастроф, но, попав медсестрой в Орукун, продержалась не больше пары недель.

– Как вы смогли протянуть там три года? – воскликнула она.

– Не знаю... – Я пожала плечами. – Мне было интересно.

Работа постоянно ставила передо мной новые задачи, да и жить в той части мира мне нравилось. Переживания к тому моменту улеглись. Ответ был честным. И, как оказалось, единственно верным.

Моя квалификация оставляла желать лучшего, резюме я составила кое-как, но все было решаемо, по мнению Шарлотты. Она записала меня на курсы и помогла переписать резюме, прежде чем переслать его дальше по цепочке. Шарлотта решила, что я – подходящий кандидат для Красного Креста. Опыт, приобретенный в Орукуне, за деньги не купишь.

Моя новая работа началась с недельного вводного инструктажа в тренировочном лагере Красного Креста, где я посвятила немало времени изучению наследия Анри Дюнана и фундаментальных принципов организации. Деятельность Красного Креста основывается на принципах Женевской Конвенции, которых следует строго придерживаться: это беспристрастность, нейтральность, независимость и гуманность. Их нам вбивали в голову, как мантры. Сотруд-

ники Красного Креста выполняют достойную и трудную работу. Еще неизвестно, справимся мы с ней или нет.

В лагере новички не только тренировались, но и подвергались всесторонней оценке: руководство должно было решить, насколько мы подходим для работы в организации. Пока мы осваивали навыки пользования полевыми рациями и способы выхода из конфликтов, инструкторы делали все, чтобы нам помешать, тем самым проверяя нашу реакцию на стресс. Например, выйдя на пару минут из класса, мы могли вернуться и увидеть, что все наши учебники и тетради перепутаны – без всякого объяснения причин. Однажды, явившись на ужин, мы не нашли столовых приборов. Все это были мелочи, но весьма красноречивые: многих они вывели из себя.

В конце тренинга к нам в аудиторию ворвались вооруженные солдаты. В полном камуфляжном обмундировании, с автоматами, они потребовали вызвать старшего: солдаты хотели, чтобы врачи поехали в их лагерь и осмотрели раненых. Они вывели из аудитории двух докторов и медсестру, мы услышали два выстрела, *пиф-паф*, и все закончилось.

Конечно, мы понимали, что это инсценировка. Людям, которых солдаты увели с собой, не грозила никакая опасность, но упражнение много что показало. Привычный режим нарушился, мы испытали определенный стресс, и он продемонстрировал, что часть кандидатов для работы не готова. Один, например, раньше уже работал в зоне конфликта, и пережил посттравматический стрессовый синдром. Второй служил в армии – этакий альфа-самец: он попытался взять ситуацию под контроль и провалил тест.

На разборе инструкторы сказали, что нам надо назубок заучить последовательность действий при подобных сценариях, потому что в реальной жизни мы должны реагировать эффективно и не терять головы. Подобные инциденты случаются нечасто, но их вероятность существует. Не надо нервно хихикать, потому что ситуация вам кажется нереальной. Засмеявшись повстанцу в лицо, вы рискуете получить пулю.

Я прошла базовую подготовку, и меня включили в лист ожидания Красного Креста. Вызов мог поступить в любую минуту. Однако прошло девять месяцев, прежде чем для меня нашлась подходящая миссия.

Красный Крест искал человека для работы на два-три года в международной команде в Южном Судане. Туда уже отправляли по очереди двух медсестер, но обе уехали, досрочно разорвав контракт, из-за тяжелых условий проживания. Шарлотта поручилась за меня, убедив руководство, что я досрочно не уеду и быстро войду в курс дела, несмотря на некоторые пробелы в образовании. «Войти в курс дела» в Красном Кресте означало приобрести навыки, необходимые на конкретном участке: в данном случае речь шла о вождении внедорожника и использовании полевой радиостанции, а также неукоснительном следовании протоколам безопасности. Для меня все это давно стало второй натурой. Шарлотта верила в меня и поэтому убедила Красный Крест дать мне шанс.

Через десять дней я села в самолет до Хартума, северной столицы Судана. В стране велась активная гуманитарная деятельность из-за волнений на западе Дарфура, где в сельской местности орудовали исламские повстанцы, «Джанджавид». В Хартуме мы коротко переговорили с руководителем штаба по водным ресурсам и ассенизации, который дал мне очень ценный совет. Он сказал сидеть тихо и не высываться – хотя бы месяца три. После этого я погрузилась на следующий самолет. Моим конечным пунктом был Йируль в центре Южного Судана, где мне предстояло заниматься программой по пропаганде гигиены, которая велась там уже два года. По словам руководителя штаба, программа шла очень хорошо, и мне в ней ничего не следовало менять.

– Ты экспат, не эксперт, – сказал он. – Держи рот на замке, а глаза – широко открытыми.

Из Хартума я сначала полетела в Кению, в городок Локичоджио, где в ходе второй гражданской войны в Судане, начавшейся в 1983 году, сформировался крупный гуманитарный узел. Двадцать лет оппозиционные силы Южного Судана боролись с северянами за независимость. Единственным безопасным местом, откуда могли действовать гуманитарные организации, стали приграничные области Кении, где Красный Крест построил госпиталь и жилой квартал для персонала. Из Локи их самолеты летали в Южный Судан, вывозя раненых на операции и лечение.

В Южном Судане имелась только одна миссия Красного Креста, в которую я и направлялась. После вводного инструктажа меня посадили на грузовой самолет из Локичоджио до Йироля, крошечного городишки в сердце страны. Там работала немногочисленная группа экспатов, обслуживавших маленький госпиталь и живших при нем. Следующие двенадцать месяцев мне предстояло провести с ними.

Под крылом самолета колыхались зеленые волны просяных полей. Однако видимость оказалась обманчивой: хотя дожди шли обильно, и просо уже поднялось выше моей головы, собирать урожай было рано, а прошлогодние запасы заканчивались. Как я узнала в дальнейшем, это называлось «голодным сезоном».

За зелеными просторами, по берегам озера Йироль пестрели травяные крыши *тукулов* – суданских глинобитных хижин, – вокруг которых вились утопанные земляные дорожки. Единственная проселочная дорога вела на юг, от рыночной площади Йироля до армейских барачков. По бокам ее росли манговые деревья – как в Орукуне. Вторая улица шла перпендикулярно первой, мимо госпиталя Красного Креста и общежития для персонала. Это были единственные бетонные здания в городке, не пострадавшие от обстрелов.

Акушерка из Колумбии по имени Изабелла приехала встречать меня на аэродром. Эта миниатюрная темноволосая девушка заметно рассердилась, когда узнала, что я впервые участвую в миссии. Две медсестры до меня досрочно разрывали контракты, и в госпитале возникала острая нехватка персонала – Изабелла опасалась, что ситуация повторится снова. Она спросила, есть ли у меня опыт использования полевой радиостанции. Я сказала, что в Брисбене работала спасателем на пляже и отвечала за связь. Она интересовалась, не против ли я мыться на улице, умею ли готовить, могу ли управлять внедорожником. У них было несколько Ленд Крузеров, но водителей не хватало. Готова ли я рулить по грязи глубиной пятнадцать сантиметров?

– Никаких проблем, – был мой ответ. Все это страшно мне нравилось.

Йироль оказался еще меньше Орукуна. Местные жители в обносках с чужого плеча высypали на улицу: все очень высокие, очень худые и очень любопытные, они без стеснения глазели на мое непривычно белое лицо в окне внедорожника. Дети, в каких-то хламидах или просто голышом, бежали за нами и улыбались мне. По обочинам дороги росла высокая трава, потом зеленый кустарник и колючие акации.

Изабелла показала мне на здание госпиталя. Красный Крест избрал Йироль в качестве базы для своих операций в Южном Судане, потому что госпиталь там уже был: его построили британцы в колониальный период, в первой половине XX в. После небольшой реновации он превратился в полноценную клинику со стационаром, амбулаторией и родильным отделением. Последним управляла Изабелла, первыми двумя – французский доктор по имени Виктор. Медсестра из Швейцарии, Одри, отвечала за программу по борьбе с онхоцеркозом, так называемой «речной слепотой», очень распространенной в Южном Судане. Луис, глава офиса, тоже швейцарец, ранее участвовал во многих миссиях Красного Креста; он очень любил двух кошек, прибившихся к нашему общежитию.

Наконец, там был Лео – инженер по водоснабжению и ассенизации, с которым мне предстояло тесно сотрудничать. Лео отвечал за бурение скважин в деревнях прилегающих регионов, а я должна была обучать местное население правильно ими пользоваться. Да, Крас-

ный Крест занимается и такими вещами. Вода – очень ценный, жизненно важный природный ресурс, и, участвуя в долгосрочных программах по обеспечению водой местных жителей, сотрудники Красного Креста завоевывали доверие к себе. Оно помогало организации вести более щепетильную работу, в том числе следить за положением военнопленных, обеспечивать защиту гражданскому населению и напоминать о «правилах войны» противоборствующим сторонам. Гражданская война в Судане шла на спад, Южный Судан должны были вот-вот объявить независимым, и Красный Крест активно занимался вопросами водоснабжения. Организация составила длинный список поселков, где требовались скважины – за три года планировалось пробурить около восьмидесяти.

Я мало что знала о водоснабжении и ассенизации, когда приехала в Судан, и никто меня в курс дела не вводил. Все, что требовалось по программе, я узнавала из книг, дожидавшихся меня в Йироле. Я держала рот на замке, глаза – широко открытыми, и много читала.

Мне предстояло отвечать за пропаганду гигиены. Недостаточно иметь в деревне источник чистой воды – надо, чтобы местные жители правильно им пользовались и поддерживали в надлежащем виде вне зависимости от того, следит за ними Красный Крест или нет. *Как правильно хранить воду? Как ее использовать для мытья и уборки? Как чистота воды влияет на состояние здоровья человека?* Вещи, казавшиеся очевидными в Австралии, в Южном Судане таковыми отнюдь не являлись. Мне предстояло донести их до местного населения.

В моем распоряжении находилась команда местных сотрудников, работавших в программе еще до моего приезда, на которых в основном ложилась вся тяжесть задачи. Надо было их немного подтолкнуть, и они активно брались за работу, например, помогали жителям деревень решать, где лучше разместить насосы. Жители собирали подручный материал, необходимый для бурения и устройства колонок, они же принимали решения относительно распределения воды. Надо ли женщинам стоять в очереди самим, или достаточно просто ставить у колонки бидоны? Можно ли поить из колонки домашний скот? Кто будет чистить скважину, если она засорится? Все это следовало продумать заранее.

После того, как команда бурильщиков вырывала скважину и устанавливала колонку, мы приезжали и проводили беседы о гигиене: рассказывали про микробы, про то, почему люди болеют, и почему чистая вода так важна для здоровья. По сути, моя работа состояла в том, чтобы сидеть под деревом и учить людей мыть руки. Не так захватывающе, как я себе представляла, но мне все равно нравилось.

Суданцы отличались веселым нравом и практичностью: за двадцать лет войны они привыкли выживать и подходили к этому по-деловому. Если им предлагали помощь, они использовали ее по максимуму, так что работа приносила мне огромное удовлетворение.

К моменту моего приезда скважины в ближайших к Йиролю поселках уже пробурили. Добираться до каждого приходилось где-то часа два. Экспаты редко раскатывали по Судану на внедорожниках, но у моих суданских подчиненных не было прав, и получить их в Йироле они не могли, так что в роли водителя выступала я.

Сотрудники из местных на своем наречии, динка, объясняли жителям деревень, как правильно использовать воду, а я сидела поодаль и наблюдала за ходом беседы. При обсуждениях от нас требовалось подталкивать жителей к правильному решению, а не подсказывать его самим. Они должны были чувствовать себя хозяевами ситуации. Конечно, мы все равно знали, какие решения наилучшие, и чем именно мы можем помочь. Команде Красного Креста приходилось балансировать на тонкой грани между обучением и поучением; мы задавали наводящие вопросы и направляли дискуссию в нужное русло. Моя задача заключалась в том, чтобы не допускать явного командования, и это было очень нелегко. Сотрудники-суданцы с большим трудом делали вид, будто не знают ответов на вопросы, которые им задают.

Больше всего я любила моменты, когда мы приезжали в деревню и усаживались где-нибудь под деревом, дожидаясь, пока люди соберутся для беседы. Мы раскладывали на земле большое покрывало и заваривали гостям чай с сахаром. Сахар в Южном Судане ценился почти как золото, и угощение мотивировало деревенских присоединяться к нам, но на то, чтобы они все собрались, требовалось приличное время. В сезон посадок мы ждали порой часа по два с половиной.

Первыми приходили местные старухи, обвязанные куском ткани и с яркими бусами на шеях. Мы болтали с ними, дожидаясь, пока соберутся остальные. Они всегда набрасывались на меня с вопросами, и отнюдь не о воде. Я была крупная, высокая, и ходила исключительно в брюках. Я пользовалась авторитетом, поскольку водила машину, а мое имя, Аманда, многие принимали за «Commander» – командир, – самое близкое по звучанию слово на английском, которое они знали, – так что меня неоднократно спрашивали, какого я пола. То есть прямо вот так: «Ты мужчина или женщина?»

Меня это не смущало, а вот моих суданских сотрудников – весьма. Однажды я заметила, как девушка из команды, Джози, заметно напряглась, услышав вопрос, заданный каким-то мужчиной. Я заволновалась, не идет ли речь о безопасности, и заставила ее перевести, что он сказал. Недовольная, Джози фыркнула: «Он хочет знать, если ли у тебя влагище».

Я расхохоталась, но мужчина даже не улыбнулся. Все собравшиеся напряженно смотрели на меня.

– Есть! – торжественно заверила я их. – *Спасибо, что спросили!*

Суданцы хотели знать, почему у меня на руках растут волосы. Их кожа была абсолютно гладкой, волосы на теле не росли вообще. Особенно интересовались дети: не проходило и пары минут, как кто-нибудь из них забирался ко мне на колени и начинал гладить по рукам, пощипывая за волоски. Еще им нравилось гладить меня по волосам на голове, светлым и тонким, которые резко контрастировали с их собственными черными кудряшками. Иногда я снимала резинку и распускала хвост, встряхивая своей гривой, отчего малыши с громкими криками разбегались в разные стороны. Им казалось, я похожа на льва.

Далее, признав во мне женщину, жители деревни начинали засыпать меня вопросами о семье и детях. Это происходило так часто, что я научилась отвечать им на языке динка. Я была белая – *каваага* – так что имела особый статус. Суданцы считали всех белых богачами, соответственно, я являлась выгодной невестой. Старухи принимались выспрашивать, замужем я или нет; частенько они пытались зайти со спины и руками померять мои бедра – *то, что надо!* Широкие бедра означали меньшую вероятность смерти в родах, делая меня выгодным приобретением.

Один из членов команды, парень по имени Камал, мастерски торговался, набивая мне цену за выкуп. Конечно, он шутил, но прodelывал это с непроницаемым лицом, поэтому, по завершению переговоров, мне приходилось выкручиваться всеми доступными способами.

– Я не умею носить бидон на голове, – объясняла я женщинам.

– Не будь такой глупой! Ты же отвечаешь за воду! – тут же возражали они. – Сделаешь колонку прямо у себя во дворе.

– Но я не знаю, как толочь маис!

– Возьмешь вторую жену, она будет толочь.

Единственным весомым доводом оказывалось, в конце концов, то, что мой отец живет слишком далеко отсюда. Набрать для выкупа 400 коров еще можно, но как переправить их в Австралию? К концу моего пребывания в Судане в наше общежитие Красного Креста пришел мужчина из местных с новым предложением. Он сказал, что придумал, как решить проблему. Он продаст коров, а деньги переведет моему отцу через Вестерн Юнион.

Даже признав во мне женщину, местные не совсем понимали, что за жизнь я веду. Я не вписывалась в их представления, и у них не было ни телевидения, ни кино, чтобы позна-

комиться с культурой других стран. Они жили в глинобитных хижинах и выращивали скот; в первую очередь они беспокоились за безопасность своей семьи, потом за коров, а потом за то, где добыть еду на следующий день.

Однажды я познакомилась с двумя девушками, которым не было еще и двадцати, но уже с детьми: они хотели узнать, сколько я училась в школе. «Шестнадцать лет», – ответила я. Получить образование в Южном Судане означало в девять лет закончить четвертый класс – за годы войны образовательная система пришла в полный упадок. Те, кто проучился лет шесть или семь, считались чуть ли не профессорами, так что срок в шестнадцать лет показался этим девушкам просто смешным. Да это же почти столько, сколько они прожили на свете! Чему такому нас учили, что для этого требовалось шестнадцать лет?

Как и все остальные, они спросили, замужем ли я.

– Нет.

– А ты хочешь детей?

– Думаю, да, хочу.

– А сколько?

– Наверное, двух.

– Только двух? – поразились они.

– Детей дорого содержать, – рассмеялась я в ответ.

– Но ты же белая, значит, богатая, – возразили мои собеседницы.

– У себя в стране не богатая, нет. Еда у нас дорого стоит, – попыталась я объяснить, но они все равно не понимали.

– Я не выращиваю еду, у меня нет огорода. Приходится покупать на рынке, а там дорого.

– А как же еда, которая падает с неба?

Эти девочки росли во время гражданской войны, когда периодически над деревнями пролетали самолеты гуманитарных организаций и сбрасывали вниз мешки с маисом. Они считали, что так происходит повсюду.

Поселившись в общежитии Красного Креста в Йироле, я очутилась словно в коммуне. Мои соседи были в восторге от того, что могут поговорить с кем-то новым, от вливания свежей крови в их коллектив, заброшенный в африканские дебри. В подобных ситуациях ты обращаешь внимание на сходство, а не на различия, и запросто сближаешься с теми, с кем дома не подружилась бы никогда. С первого дня мы готовили еду и садились за стол с одними и теми же пятью людьми. У нас не было ни кино, ни телевизора, и единственной возможностью как-то развлечься оставались разговоры. Я, к примеру, во всех подробностях ознакомились с любовной жизнью Виктора. Он пользовался большой популярностью у девушек в Локи.

В общежитии имелся независимый генератор и солнечные батареи, поэтому электричество у нас было, в отличие от остального Йироля, хотя и отключалось по вечерам. Вентиляторы переставали работать как раз в тот момент, когда мы укладывались спать, обливаясь потом в своих бетонных каморках при 45° жары. Чтобы хоть немного отдохнуть, мы окунали простыню в ведро с водой и заворачивались в нее. За пару часов она полностью высыхала.

Если электричество не отключалось, возникала другая проблема. По ночам общежитие оказывалось единственным источником света на сотни километров вокруг, привлекая к себе полчища всех мыслимых жуков и насекомых. Их собиралось столько, что треск крыльев не давал нам уснуть, поэтому однажды ночью я вступила с ними в беспощадную битву. В кладовке я нашла распылитель и кое-какие инсектициды, напялила защитный костюм и пластиковые очки, и, как Терминатор, вышла на бой. Два дня наши уборщики выметали отовсюду трупы моих жертв.

Но даже несмотря на жару и насекомых, по меркам Южного Судана мы жили как короли. Продукты доставляли нам из Локи, в общежитии стоял водяной насос, а это означало, что в

туалетах работал смыв. У нас имелись душевые, отдельно для мужчин и для женщин, пускай даже и на улице. И каждые две недели, когда уже начинало казаться, что жить так дальше невыносимо, нас по очереди вывозили в Локи на выходные, где можно было выпить в местном баре и поплавать в бассейне отеля «Трэкмарк».

В самом же Йироле развлекаться нам приходилось своими силами. Бывало, по вечерам мои соседи разговаривали на каком-нибудь одном языке – сегодня итальянском, завтра французском, потом немецком. К сожалению, я на них не могла связать и пары слов. Слушать мне нравилось, но смысла я не понимала абсолютно. Если мне хотелось развеяться, я слушала музыку: что-нибудь из 350 песен, закачанных на первого поколения iPod.

В такой обстановке посылки из дома казались просто даром небес. Почта в Йироле доставлялась регулярно, но вес пакета был строго ограничен – не больше 1 килограмма, – и мои друзья скрупулезно соблюдали это правило. Стоя с серьезным лицом за конторкой в офисе австралийской почты, они по одной бросали в картонную коробочку конфеты или мятные драже, пока весы не показывали 999 граммов. На мой день рождения они прислали праздничный набор: сухую смесь для торта, гирлянды и даже свечки. На День Австралии я получила надувного кенгуру и переводные татуировки с австралийским флагом плюс тюбик любимой приправы. Никогда в жизни я не была так счастлива.

Помимо этого, мы мало контактировали с внешним миром. В Локичоджио на все общение Красного Креста имелось только три компьютера; выход в интернет оплачивался по минутам. В Йироле мы получали сообщения в формате rtf по радиомодему, и у меня порой уходила целая ночь, чтобы загрузить каких-то пару писем. Мы слушали радио ВВС, так что были в курсе мировых новостей, но без изображения они не производили на нас особого впечатления. Раз в неделю нам доставляли один на всех номер журнала *Time*, и тогда новости приобретали немного другую окраску. К примеру, когда в 2004 году на побережье Индийского океана обрушилось цунами, мы, услышав о нем по радио, реальных масштабов бедствия не оценили. И только когда пришел следующий выпуск *Time*, поняли, насколько разрушительным оно было.

Когда мои соседи уезжали на выходные в Локи, я помогала в госпитале. Меня привлекали и в случае разных кризисов, которые происходили регулярно. Был период, когда к нам начали обращаться пациенты с симптомами, которых никто из нас вживую не наблюдал, но хорошо догадывался, на что они указывают. У пациентов развивалась водобоязнь – страх воды. Они реагировали даже на капельницы: стоило им увидеть, как капает лекарство, как они приходили в крайнее возбуждение, чуть ли не буйство, и начинали издавать странные горловые звуки, напоминающие рычание или лай. Интернета у нас не было, поэтому мы посоветовались между собой, а потом дополнительно связались с Локичоджио и проконсультировались там. Все сходились во мнении, что симптомы говорят сами за себя: в городке вспышка бешенства. Проблема заключалась в том, что когда проявления болезни становились очевидны, помочь уже было нельзя.

Первым пациентом оказался десятилетний мальчик, которого пару месяцев назад укусила собака. Он весь корчился от судорог и постоянно «лаял». Его родные были в отчаянии. Выживают при таком далеко зашедшем бешенстве только единичные пациенты, да и то если попадут в крупный госпиталь, в реанимацию, оснащенную по последнему слову техники. У нас не было ни оборудования, ни квалифицированного персонала, чтобы помочь мальчугану, и он ужасно страдал. Пребывая в буйстве, он мог кого-нибудь заразить – раньше он уже покусал своего дядю. Нам пришлось его изолировать. Содрогаюсь от конвульсий, обезвоженный, он несколько дней провел на веранде подсобного строения позади госпиталя. Потом мальчик умер.

После еще двух таких же случаев мы забеспокоились. Сколько еще людей с бешенством ходит по городку? Мы позвали на совещание местных военных, чтобы разработать совместный план. Бешенством жители заражались от собак, но если сразу после укуса сделать прививку, болезнь не разовьется. Смертельный исход можно предупредить с помощью вакцины, если ввести ее вовремя. Но достать ее тяжело, она дорого стоит и график вакцинации необычный – надо сделать три укола с промежутками в две недели. В данном случае это представляло большую сложность.

Мало того, у ВОЗ (Всемирной Организации Здравоохранения) на месте имелось только три дозы вакцины против бешенства, которые нам доставили самолетом уже на следующий день. Одной мы привили дядю умершего мальчика, а две остальные держали под рукой: мы проинформировали жителей городка, что все, кого укусила собака, должны обратиться в госпиталь. Народ впал в панику, и к нам стали являться даже те, кого собаки покусали несколько лет назад. Вакцину пришлось придержать на тот случай, если заражение подтвердится. Тем временем армия взялась устранить источник проблемы. Они объявили населению, что собаки разносят смертельно опасное заболевание, а потом два дня ходили из хижины в хижину, отстреливая всех собак, попадавших на пути.

Не думаю, что такой подход сработал бы в любой другой стране мира. Это было логичное решение, но не то, с которым людям легко смириться. Собак в Йироле не баловали, как у нас в Австралии, но они жили вместе с людьми и у каждой имелись хозяева. Однако те не жаловались, когда их питомцев стреляли – наоборот, одобряли действия военных. Этим людям столько всего грозило – война, малярия, тяжелые роды и прочие факторы, не поддающиеся контролю – что они соглашались на любые меры, которые могли помочь, если выпадал такой шанс.

Зато посягни мы на скот, история была бы совсем другой. Коровы в Южном Судане представляли собой эквивалент валюты, поскольку местные деньги ничего не стоили. Южносуданские фунты, введенные британцами, не печатались с начала гражданской войны. Банкноты, оставшиеся в хождении, настолько затерлись, что стали почти черными и рассыпались в руках; определить их достоинство не представлялось возможным. Благосостояние измерялось количеством голов скота, и местные жители держали свои стада под неотрывным надзором – порой даже слишком.

В окрестностях Йироля кочевали семьи скотоводов, живших вместе со своими коровами, что, с точки зрения гигиены и профилактики, выглядело сущим кошмаром. Смертность среди детей младше пяти лет у кочевников была гораздо выше, чем у оседлого населения. В основном их убивали малярия, пневмония и диарея, но в этих семьях бытовали также практики, сильно увеличивавшие риск заражения и другими заболеваниями. Одним из них являлся бруцеллез, или стойкая лихорадка, бактериальное заболевание, вызывающее резкие подъемы температуры, потливость и боли в суставах, которое может приводить к артриту, упадку сил и даже смерти. Передается бруцеллез при контакте с телесными жидкостями от зараженных животных.

Меня послали изучить условия жизни кочевников, чтобы разобраться, почему у них такая высокая смертность, и список факторов риска оказался очень, очень длинным. Семьи жили вместе со скотом – не рядом с ним, а именно *вместе*, то есть в буквальном смысле в коровьем дерьме. Они жгли навоз и обмазывались золой, говоря, что она помогает отгонять mosquitos (уж не знаю, так или нет, но кочевники были в этом уверены). Коровьей мочой они осветляли волосы, подставляя головы прямо под горячую струю, исторгаемую животным. Они пили сырое молоко, не проходили вакцинаций, не использовали накомарников. И, конечно, в их стойбищах не было источника чистой воды, а о том, чтобы мыть руки, они и слыхом не слыхивали.

Что касалось ухода за скотом, разным возрастным группам отводились разные задачи – каждая со своим спектром рисков. Юноши отвечали за перегон стад на дальние расстояния и поэтому чаще заражались дракункулезом, но больше всего меня шокировала работа, которую выполняли молодые девушки. С виду это могло показаться извращенной разновидностью сексуального контакта, но на самом деле к сексу отношения не имело – просто одна из фермерских практик. Тем не менее, выглядела она отвратительно. Если корова переставала доиться, девушки-кочевницы засовывали лицо ей в вагину и выдували воздух через сжатые губы, чтобы вибрацией стимулировать выработку молока. Именно так они заражались бруцеллезом.

Чтобы избавиться от многовековых культурных практик наподобие этой, требуется немало времени, так что нам пришлось поднапрячься в поиске практических решений. Может, выдавать им стоматологическую резиновую пленку? Или запустить пропагандистскую кампанию: «Любите коров – не “любите” коров!»? В конце концов единственное, что мы смогли сделать – это настойчиво напомнить всем этим девочкам сразу после возникновения симптомов обращаться к нам за антибиотиками.

Конечно, скот провоцировал массу проблем, но в то же время стада могли выглядеть удивительно мирно, особенно на закате. Когда температура начинала опускаться, от их спин шел пар, напоминавший дымку тумана. Фотографии получались потрясающие. Сами суданцы тоже были невероятно фотогеничны – элегантные и тонкие, словно статуэтки, пусть и обмазанные коровьим дерьмом. Жизнь их была тяжелой, но при правильном освещении даже тяжелая жизнь может смотреться великолепно.

Проблемы, связанные с местными традициями и практиками, сказывались не только в уходе за скотом. Большинство женщин в Южном Судане рожало дома; с родами была связана масса заблуждений и предрассудков. Женщины считали, к примеру, что после начала схваток роженице нельзя пить, иначе ребенок утонет. Переубедить их нам так и не удалось.

Только когда местные повитухи понимали, что самим им не справиться, роженицу доставляли к нам в родильное отделение, поэтому Изабелла и ее акушерки постоянно сталкивались с исключительно тяжелыми случаями. Изабелла была великолепным гинекологом; у себя в Колумбии она тоже работала в условиях ограниченных ресурсов, поэтому обладала громадным опытом и никогда не теряла хладнокровия. Если она обращалась ко мне за помощью, как к лишней паре рук, это означало настоящий кризис.

Однажды она срочно меня вызвала помочь, когда я была на выезде, поэтому явилась я вся в грязи и пыли, обливаясь потом после долгих часов на жаре. К сожалению, роженица, которую доставили к Изабелле, находилась в еще худшем состоянии. Ребенок шел спиной, и у женщины начинался шок. Изабелла засунула руки в родовые пути, насколько было возможно, пытаясь вытащить плод. Он умер в утробе еще несколько дней назад, а теперь смерть нависла и над матерью тоже.

Родильный зал находился в помещении из цементных блоков, с крошечным окошком, прикрытым старыми деревянными жалюзи. Он больше походил на сарай, чем на палату в госпитале. Посередине стояло черное кресло с подпорками для ног, а рядом – лампа, работавшая от батареи. С другой стороны располагался стол из хирургической стали, на котором лежали стерильные инструменты.

Женщина, лежавшая в кресле, молчала, стиснув зубы. На коже блестели бисеринки пота, она изо всех сил старалась не потерять сознание, пока Изабелла сражалась с тельцем умершего ребенка.

Когда оно, наконец, показалось на свет, то нисколько не походило на младенца. Кожа была синей из-за полного отсутствия кислорода, с серыми пятнами там, где она начала отслаиваться еще в матке. Первыми вышли ножки, потом торс. Изабелла поднажала, но головка оставалась внутри. Она застряла в шейке матки.

Изабелла отвела меня в сторону и тихонько объяснила, что у ребенка гидроцефалия: череп аномально увеличен из-за скопления жидкости в мозгу. Единственный способ спасти женщину – отделить тело ребенка от головы. Она сделает это сама, от меня же требуется, чтобы я просунула руку в матку и раздавила череп. Тогда он пройдет через шейку.

Мне не хотелось подводить Изабеллу, но я пришла в ужас.

– Я не смогу, – только и сказала я. – Ни за что.

– Придется, – спокойно ответила она.

Ее руки были слишком маленькими, чтобы захватить череп. Я перевела взгляд на свои собственные огромные ладони. Что ж, придется набраться духу.

Я смотрела, как она хирургическими инструментами отделила тело ребенка от головы. Оно не было похоже на человеческое, но меня все равно трясло. От моих мечтательных замыслов переучиться на акушерку не осталось и следа. Это могло быть полезным для работы педиатрической медсестрой, но теперь я учиться точно не собиралась.

Изабелла уступила мне место. Я ввела руку в матку роженицы. Она уже теряла сознание; я нащупала череп у нее внутри, но не могла его ухватить. Я пыталась, но он выскальзывал из пальцев. *Черт!* Изабелла работала рядом со мной, делала все, чтобы остановить кровотечение, но времени оставалось мало. Череп оказался слишком большим; вытащить его мы не могли.

Изабелла решила делать операцию, но у нас не было ни специального инструментария, ни наркоза, ни хирургического стола. Нам предстояло перевезти пациентку в маленькую католическую миссию в часе езды от нас: у монашек имелся стол.

Мы сумели перенести женщину в Ленд Крузер, но до места не добрались. К сожалению – а может, к счастью, – по пути она скончалась.

Люди часто рассуждают о цене человеческой жизни в Африке, говоря, что там она будто бы ничего не стоит. Но жизнь есть жизнь, и она ценна вне зависимости от места. Тем не менее, люди, с которыми я сталкивалась в Южном Судане, подходили к ней с более прагматичных позиций, чем мы, австралийцы. Они не могли позволить себе роскошь воспринимать ее по-другому.

После того как Изабелла уехала из Южного Судана, а замену ей еще не прислали, меня как-то вызвали в родительное отделение помочь на трудных родах. Ребенок родился – крошечная девочка, – но с тяжелыми уродствами. У нее оказалась волчья пасть, она была слепая и с недоразвитыми половыми органами. Ребенку с такой инвалидностью тяжело пришлось бы даже в западном обществе, не говоря уже о Южном Судане.

Мы собрались на совет. Можно отправить новорожденную в Локи, чтобы там попытались начать хирургическое лечение волчьей пасти. За одну операцию расщелину не закрыть, потребуется целая серия. У ребенка не сформировалось отверстие уретры, моча не выводилась, но это, наверное, тоже можно исправить. Надо несколько дней подержать ее у себя и последить за состоянием, но у младенца гипотермия, а в больнице нет кювета. Пришлось соорудить малышке специальное одеяло из фольги и ваты. Нам предстояло дожидаться, не появятся ли испражнения и моча.

Возвратившись с выездной беседы о санитарии и водоснабжении, я обнаружила больничных акушерок в расстроенных чувствах. Мать решила забрать девочку домой, и переубедить ее им не удалось. На мои уговоры она не отреагировала тоже – у матери уже имелся план.

– Заберу ее домой и пушу по реке, – сказала мне она.

Я попросила старшую акушерку перевести, поскольку хотела разобраться, что женщина имела в виду. Акушерка объяснила, что мать пустит младенца по реке, как Моисея в Библии. Если Бог решит сохранить ей жизнь, так тому и быть. Если нет, Бог призовет ее к себе.

В Южном Судане девочка считалась хорошей инвестицией. Дочерей растили, чтобы перед свадьбой получить за них выкуп. Мальчики стоили денег, но им предстояло заботиться

о родителях в старости. Каждый член семьи имел свою ценность – с точки зрения не денег, а выживания. Мать бесстрастно посмотрела на меня и начала говорить. Акушерка переводила.

– Эта девочка слепая. Она не сможет есть. Не сможет заниматься сексом. У нее не будет детей. Зачем она нужна? Мы не можем ее себе позволить.

Я не знала, что ей ответить. Она рассуждала спокойно и непринужденно. Мать думала о двух других детях, оставшихся дома; ей надо было помнить об интересах семьи. Ребенок-инвалид, которому требуется постоянный уход, поставит их выживание под угрозу. Кто я была такая, чтобы диктовать ей, как поступать? Не было никаких гарантий, что девочка не умрет от голода или обезвоживания через пару-тройку дней.

Местные акушерки сильно разволновались. Вот придет белая женщина, думали они, и все расставит по местам: скажет матери, что та должна любой ценой бороться за ребенка. Но я не могла этого сделать. Я и понятия не имела, через что день за днем проходит эта мать, просто чтобы выжить. Я сказала ей позаботиться о ребенке, насколько будет возможно, хотя прекрасно понимала, что она собирается позволить малышке умереть, а потом отпустила домой.

На тот момент мое решение казалось мне наиболее разумным. До сих пор не знаю, как все-таки правильно было бы поступить.

5

Эскалация

По пятницам я отправляла кого-нибудь из наших местных сотрудников на рынок купить козу. За живую козу просили семь австралийских долларов; дальше покупатель ее забивал и доставлял в общежитие. Мы брали себе ребра и обе ноги, а покупателю доставались копыта, требуха и кожа, которую обычно высушивали и использовали на колыбели для младенцев. Отправляясь работать в поле, мать подвешивала эту колыбель поблизости на дереве.

Каждую пятницу я разводила в яме костер, мариновала козлятину, а потом жарила ее на углях. Я посиживала возле огня, грызя чипсы и запивая их колой, пока готовилось мясо. Мне казалось, что еженедельное барбекю – отличная возможность весело провести время, но остальная часть команды относилась к нему без восторга. Они не понимали, с какой стати торчать у импровизированного гриля на 35° жаре, поэтому предпочитали поваляться у себя в комнатах, пока я делала всю работу. Мясо все ели с удовольствием, но утруждаться ради него никто не хотел.

Как-то раз наш главный поставщик, местный житель по имени Джулиан, явился ко мне каяться. Он отворачивал голову и не решался взглянуть мне в глаза.

– Мы больше не будем покупать вам коз, Аманда, уж простите.

– Ничего страшного. Но почему?

– Парни вас обманывают. Я решил положить этому конец. Вы им даете денег на хорошую козу, а они вам оставляют одни кости.

– О, понятно!

Я едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Пришлось объяснить Джулиану, что мы сами не хотим есть копыта и требуху, а поскольку забивать коз мне не нравится, и они берут это на себя, сделка получается справедливой. Для Джулиана это стало настоящим откровением. Он тут же выдвинул встречное предложение. Раз уж мы отказываемся от «самого вкусного», надо бы распределять его по справедливости. Так в Йироле было положено начало соревнований на звание «лучшего работника недели».

В другую пятницу сотрудник из местных привел в общежитие козу, только что с рынка, у которой подозрительно выпячивался живот. То, что коза беременна, было видно невооруженным глазом.

– Так, это что еще такое? – возмутилась я.

– Это была единственная коза на всем рынке, – ответил он.

Наступил «голодный сезон», и люди, оказавшиеся в отчаянном положении, продавали все подряд, даже драгоценную беременную скотину. Я, конечно, люблю мясо, но это было уже слишком. Не могли мы отнять животное у несчастного фермера и не могли забивать беременную козу – по крайней мере, не в мою смену. Мы решили поддержать ее, пока не родится детеныш, а потом отдали его одному из местных сотрудников госпиталя, в качестве «гран-при» за отличную работу.

Виктору как-то раз тоже довелось узнать на практике, насколько высоко ценятся домашние животные в Южном Судане – и почему одни из них ценнее других. На самолете он отправился в фельдшерский пункт в удаленном районе, где в течение дня должен был принимать пациентов, явно попал в неприятности и по рации обратился за помощью ко мне.

– Аманда, мне надо знать, сколько стоит осел.

– Что-что?

– Сколько стоит осел? Это срочно!

Я высунулась из окна проконсультироваться с сотрудниками из местных.

– Осел? Пятьдесят тысяч суданских фунтов, – ответили они.

Я сообщила цену Виктору, и он отключился, ничего не объяснив. Вскоре рация запищала вновь.

– Извини, теперь узнай, сколько стоит ученый осел.

– В каком смысле ученый?

– Неважно, просто спроси!

Я снова высунулась из окна и обратилась к команде.

– О, ученый осел? Ученый стоит семьдесят тысяч.

Виктор снова меня поблагодарил, и около часа вестей от него не поступало. Когда местные сотрудники уже собирались расходиться, он снова позвонил.

– Так что у тебя произошло? – спросила я.

– Ну, мы сбили осла, на аэродроме. Кровища кругом... местные сильно расстроились... Понимаешь, это был особенный осел.

Виктор объяснил, что таких ослов специально обучают, чтобы тянули плуг.

– Ясно, – хмыкнула я. – А что с самолетом? Пропеллер в порядке?

– Ну, так-то да, – неуверенно протянул Виктор. – Только весь в ослятине.

Находясь в зоне конфликта, важно было не поддаваться самоуспокоенности. После шести месяцев в Южном Судане мне начало казаться, что я прекрасно владею ситуацией, хотя на самом деле я оставалась там чужаком. И, как будто я сама не понимала, жизнь лишний раз напомнила мне об этом.

Лео, инженер-гидролог, покинул нас примерно на половине моего срока; этот пост занял кенийский специалист, прошедший необходимую подготовку, но его вскоре перебросили в Дарфур, где начинался новый проект, поэтому вести дальше программу по водоснабжению и ассенизации в Йироле предстояло мне одной. Это означало, что я буду отвечать еще и за бурение. Конечно, большую часть работы выполняла местная команда, а от меня требовалось только общее наблюдение, но, чтобы разобраться в процессе, я снова засела за книги, имевшиеся в офисе Красного Креста.

Как руководитель программы я, по мнению местного населения, отвечала теперь и за бурильщиков тоже. Обязанность эта меня не обременяла – точно так же мы отлично сработались с командой по пропаганде гигиены, – но, похоже, я недооценивала ее масштаб. Однажды меня удостоил визитом один из местных повстанцев, майор оппозиционной группировки. Его люди удерживали власть в Йироле, дожидаясь, пока страна официально получит независимость. Майор примелькался в городке; его фирменным знаком были пестрые, бросающиеся в глаза сандалии.

И вот этот громила явился ко мне и сообщил, что парень из команды бурильщиков переспал с его женой. По местным законам с него полагались отступные – семь коров, но коварный соблазнитель ничего не заплатил, так что майор грозил отобрать нашу полевую рацию, поскольку парень работал на Красный Крест. Рация была единственным средством связи между нами и базой Красного Креста в Локичоджио, так что мне пришлось вступить в переговоры, только чтобы ее не отдавать. Я заверила майора, что побеседую с парнем, и мы все решим.

– Я обо всем позабочусь.

Очень скоро я поняла, что давать такое обещание было крайне опрометчиво.

Я переговорила с бурильщиком, якобы совратившим майорскую жену, и он поклялся, что отдал тому коров, так что долг полностью уплачен.

Спустя еще пару дней я приехала на аэродром помогать врачам медицинской авиации на массовой вакцинации от столбняка. Со мной была дама, сменившая Изабеллу, пожилая швейцарка по имени Марта, из маленькой горной деревушки. Ледники родной Швейцарии она явно

предпочитала палящему африканскому солнцу. Марта едва сносила жару. Она была великолепной акушеркой, но в особенно жаркие дни могла удалиться в наш Ленд Крузер, чтобы часок вздремнуть с включенным кондиционером. Мы сделали сиесту официальной, чтобы Марта дотягивала до конца рабочего дня.

В тот день на вакцинацию собралось более восьмисот женщин. Покончив с работой, мы с Мартой упаковали свои вещи в грузовик и поехали назад в общежитие Красного Креста по центральной улице города, которая шла от аэродрома до больницы. По дороге мы вдруг услышали выстрелы, доносившиеся со стороны рынка. Обычно в городке не стреляли. Мы свернули с главной дороги, собираясь въехать на территорию общежития, следуя обычному протоколу безопасности (заезжать только багажником вперед), и стали свидетелями массового исхода – народ сломя голову убегал с рынка.

Я инстинктивно пригнула голову Марты к сиденью. У нас за спиной уже суежилась охрана: они распахнули ворота общежития и изо всех сил махали руками, чтобы мы заезжали скорее. Я оглянулась на них, потом на рыночную площадь, и тут увидела причину всей суматохи. В полутора сотнях метров от нас по улице маршировал майор в своих разноцветных сандалиях и палил в воздух из автомата.

Я переключилась на заднюю передачу, влетела в ворота общежития и заорала, чтобы охрана скорей их заперла. Наша рация постоянно сигнализала. Остальные экспаты уже сбежались в общежитие и укрылись в кухонной кладовке, ныне официально превращенной в убежище. Мы с Мартой поспешили присоединиться к ним.

Кладовка была, как и все здание, из пеноблоков, с деревянным полом, и запиралась изнутри. Мои коллеги уже сообщили по рации в Локи, что в городке беспорядки. Местные сотрудники разбежались по домам, связь с ними мы поддерживали также по рации. Пока мы сидели в кладовой, прислушиваясь к выстрелам, они сообщали нам последние новости. Одной из них было, что майор разыскивает меня.

Узнав об этом, я сильно удивилась.

– Почему меня?

Оказалось, что пообещав майору решить ситуацию с долгом, я, по его мнению, взяла этот долг на себя.

Мы просидели в кладовой очень долго, время от времени получая сообщения от местных членов команды. Обсудив между собой ситуацию, все экспаты сошлись на том, что надо забрать «экстренные наборы» – сумки, в которых хранились наши паспорта, деньги и кое-какие предметы первой необходимости. Сумки висели у каждого в комнате, на крючках с внутренней стороны двери. Я решила, что не подвергну себя особой опасности, если пробежусь по общежитию и их соберу, поэтому вызвалась сама, выбралась из кладовой и побежала по комнатам, хватая сумки. Меня давно мучило любопытство насчет того, насколько их базовый набор поможет в критической ситуации. Например, там лежало штук двадцать презервативов, но, правда, не для экстренного секса, а для хранения воды. Как-то раз я проверила, сколько можно туда налить – литров шесть, потом презерватив рвется.

Пробегая по комнатам, я продолжала получать по рации донесения местного персонала. Вернувшись в кладовку, я увидела, что Виктор ножом для хлеба прорезал дыру в москитной сетке, закрывавшей окно. Во время моего отсутствия остальные решили, что им нужен запасной выход – на случай эскалации. Напряжение заметно возросло.

Выстрелы прекратились, но из Локи пришло распоряжение оставаться в укрытии до утра, поэтому я еще раз прошлась по комнатам и притащила несколько матрасов и подушек. Мы съели пищу при свете свечи, дожидаясь новостей. Если бы не местные сотрудники, информировавшие нас по радио, мы бы понятия не имели, что происходит снаружи.

Утром нас было решено эвакуировать. Из Локичоджио прибыл самолет, нам командовали собираться. Плохие новости для госпиталя и для жителей городка, в одночасье остав-

шихся без медицинской помощи. А для местного персонала – тем более. С уходом Красного Креста из Йироля они лишались работы. Городская администрация умоляла нас остаться: они клялись, что нам ничего не угрожает, но у нас не было выбора. Глава миссии приказал нам уезжать, и мы уезжали. По мне, некоторые просто раздули из мухи слона. Явно произошло какое-то недоразумение.

По прибытии в Локи нас вызвали на совещание, и тут сотрудники разом ополчились против меня. Я-то думала, что мы спокойно отсиживались в кладовке – вроде как на вечеринке в хижине в лесу, – но оказалось, что остальные сильно испугались и разозлились. Когда я убежала из кладовки с рацией, они вообще не знали, что творится вокруг.

Такая их реакция поставила меня в тупик. Я бегала по общежитию, собирая для них сумки, подушки и матрасы. Да, я сама не особо переживала, так что не видела повода переживать и для них. Я понимала, что люди по-разному реагируют на стресс, но мы же работаем в зоне конфликта! Они что, не подписывали контракт?

Глава миссии Красного Креста собирался через пару дней слетать в Йироле и решить, стоит ли организации возвращать туда сотрудников. Он позвал меня с собой, и я с радостью согласилась. Я хотела извиниться перед майором за ту путаницу с коровами. И сильно переживала за местный персонал, оставшийся в городке.

По прилету нас приняли как героев. Генерал местной армии заверил, что ситуация полностью под контролем, и нас ждут не дождутся обратно. Бурильщик заплатил долг, а майора на всякий случай посадили под арест.

– Хотите его повидать? – спросил генерал.

Майор сидел возле казармы, по-прежнему в своих пестрых сандалиях. На щиколотке у него болтались наручники, прикрепленные к ножке бамбукового кресла, на котором он расположился. Стоило ему подняться и оторвать кресло от земли, оно соскользнуло бы на землю, и он мог спокойно уйти. Однако заключенный, похоже, был своим положением вполне доволен.

– Привет, Аманда! – воскликнул он, завидев меня.

– Здравствуйте, майор. Как вы?

– Уж простите за тот случай, ладно, – отвечал мой собеседник. – Я не хотел никого пугать.

Мы дружески поболтали, и майор заверил нас, что произошло обычное недоразумение. Красному Кресту в Йироле ничего не грозит, он надеется, что мы вскоре возвратимся. Мы поблагодарили его – приятно было это слышать. Представитель организации, отвечавший за безопасность, против возвращения не возражал.

– Надо нам еще кое-что обсудить, пока вы не улетели, – сказал вдруг майор.

– Что же? – поинтересовался глава миссии.

– Официально я теперь военнопленный, – объяснил майор. – Как, Красный Крест будет меня навещать? Пускай принесут теннисный мячик и сигареты.

Официально он, в общем-то, военнопленным не был. Но сигареты мы ему все-таки принесли.

Удивительно было наблюдать, с какой скоростью разрастался рынок в Йироле. Когда я только приехала, его практически не существовало. Бульонные кубики продавались поштучно, соль и сахар – порционными пакетиками, одежда – очень редко и только секонд-хенд. Но когда начался мирный процесс между оппозицией и правительством Судана, границы открылись, и на юг хлынул самый разнообразный товар. На внешнем виде местных жителей такое разнообразие сказалось весьма оригинальным образом – и это еще мягко говоря.

Готовясь к подписанию мирного договора в январе 2005 года, Движение за Освобождение Суданского Народа, (ДОСН) провело закон, по которому на рынок нельзя было являться без одежды. Когда независимость утвердили, Южный Судан решил стать цивилизованной страной – его гражданам, соответственно, предписывалось ходить одетыми. Кто-то из местных

предпринимателей подсуетился и открыл магазинчик с прокатом поношенной одежды в предместье Йироля, чтобы люди, приходявшие на рынок, не нарушали закон. Деревенские жители заходили, подбирали себе что-нибудь из стильных обновок года этак шестидесятого, а на обратном пути возвращали их в магазин. Почему-то в основном там были платья, но мужчины динка, не смущаясь, наряжались в них. Брюки или юбка, мужские и женские расцветки – для жителей Южного Судана такие мелочи не имели значения. Выглядели они очаровательно: например, юные воины динка, высокие и мускулистые, со стальным прессом, разгуливали по городку в пестрых синтетических халатиках и бархатных беретах, явно очень довольные собой. Потом на рынок выбросили лак для ногтей, и мужчины стали ходить с розовым и небесно-голубым маникюром.

Одежда являлась символом богатства и власти у этого народа, одного из беднейших в мире. Незадолго перед отъездом домой я вела переговоры об устройстве новой скважины с вождем племени, мечтавшим заложить собственный город. Мирный договор был подписан, Южный Судан вот-вот должен был стать независимой страной, и вождь со всем энтузиазмом рвался поучаствовать в строительстве «новой нации». Без воды городу не бывать, объяснял он, поэтому четыре скважины, которые мы собираемся пробурить в близлежащих деревеньках (где, собственно, и живут люди), следует перенести на перекресток пары проселков, относящийся к его территории. Он устроит там рынок и «торговый центр», жители потянутся следом – этакое *Поле чудес* в градостроительстве. Вождь встанет во главе самого современного города Южного Судана; ничего страшного, если деревенский люд какое-то время проживет без воды.

Я встречалась с вождем несколько раз, и он всегда являлся голым, разве что с ниткой бус вокруг талии и куском полупрозрачного полиэстера, завязанным через плечо. Его обязательно сопровождали телохранители: дерзкие и очень красивые молодые люди, тоже голые, зато с автоматами. Мы все усаживались под деревом, скрестив ноги, и обсуждали будущий город. Они были обнажены, я – одета, но мне и в голову не приходило обращать на это внимание. Нагота в Южном Судане считалась делом обычным и меня нисколько не смущала. До тех пор, пока вождь не добрался до одежного магазина.

Через несколько раундов переговоров в Йироле приняли решение: скважины надо бурить, где планировалось – где люди живут сейчас, а не там, куда они возможно переберутся в будущем. Мне предстояло сообщить вождю, что с его планами по устройству мегаполиса придется повременить. И вот он явился на встречу – в женских ярко-красных шелковых трусах. Недавно они с ребятами побывали на рынке в Йироле и наткнулись на лавочку с женским бельем. Телохранители поживились в ней тоже: они красовались в стрингах всех цветов радуги, от голубых до черных.

Они приветствовали меня большим оживлением, а потом вождь попросил сфотографировать его в новом наряде, вместе с парнями. Телохранители горделиво позировали на фоне своих лучших коров, выстроившись в ряд в женских трусиках, словно в новехоньких фраках. Они были на седьмом небе от счастья – до тех пор, пока им не пришлось сесть.

Однажды я ехала на совещание по вопросам водоснабжения, когда меня вдруг остановил водитель полуприцепа. Он сказал, что у него в кузове раненый. Забравшись в грузовик, я обнаружила там мужчину, до пояса завернутого в одеяло и с громадной лужей крови между ног. Сначала я подумала, что кто-то отрезал ему гениталии, но потом он поднял руку, и оказалось, что рана в ней – здоровенная дырка прямо посередине ладони. Через нее можно было смотреть насквозь. Удивительно, что пальцы продолжали двигаться.

Водитель и его сопровождающие вытащили раненого из кузова и сгрузили на обочину, где я попыталась оказать ему первую помощь. Я кое-как залепила пластырем рану и воткнула ему в потное, скользкое предплечье капельницу, но тут мой пациент объявил, что должен отлить.

– Господи, он не может потерпеть? – спросила я своих коллег из местного персонала.

Парень уверил, что нет, не может, никак.

Мне пришлось стоять рядом с ним, придерживая раненую руку и подняв повыше флакон капельницы, и смотреть куда-то вдаль, пока он здоровой рукой помогал себе помочиться. Не одолей меня скромность, я бы заметила, что он вот-вот рухнет в обморок. Вместо этого я вдруг ощутила, как его рука выскользнула из моей, и он повалился на землю, широкой дугой разбрызгивая мочу. Большая ее часть оказалась у меня на брюках.

Как ни странно, это не самое забавное мое воспоминание, связанное с мочеиспусканием, из Южного Судана. Был еще один случай, который мне не забыть – правда, начался он совсем невесело. Работая в одной из деревень, я обратила внимание на мальчугана, который, собираясь помочиться, приседал на корточки и дергал себя за пенис, явно испытывая дискомфорт. Я спросила у матери, что с ним такое, но, по ее словам, никаких других симптомов, кроме этого странного ритуала, у ребенка не наблюдалось. Мочиться малышу явно было больно. Мало того, другие дети в деревне смеялись над ним.

В следующий уикенд в Локи я попросила у главного хирурга госпиталя Красного Креста разрешения привезти мальчика на осмотр. Обследование показало, что у него в мочевом пузыре образовался камень размером с мячик для гольфа – побочный эффект серповидноклеточной анемии. С анемией хирург ничего поделать не мог, но удалил камень, освободив мочевыводящие пути. Долгосрочный прогноз был неутешителен, но от нынешней операции мальчик оправился быстро.

Когда он вместе с дедом прилетел назад в Йиролю, я встретила их на аэродроме и сама отвезла домой. Приветствовать маленького пациента собралась вся деревня. Мальчик не побежал к родителям, а занял место на всеобщем обозрении, поближе к машине Красного Креста. Зрители замерли в напряженном ожидании. Малыш поднял руки, призывая всех замолчать. Серьезным взглядом он обвел аудиторию, а потом спустил штаны и уперся руками в бока. С широкой улыбкой на лице, он помочился прямо там, где стоял – великолепной, прозрачной и мощной струей. Толпа была в восторге.

Как-то утром мы получили сообщение о межплеменном конфликте, после которого осталось много раненых, где-то в отдаленном уголке к северу от Йироля. ДОСН обратилось к нам с просьбой позаботиться о них, но у нас сильно не хватало персонала. Большая часть экспатов уехала в Локичоджио на заслуженные выходные; в Йироле оставались только я, акушерка из Кении по имени Роуз и немецкая медсестра, приехавшая к нам с проверкой. Я связалась по радио с базой Красного Креста в Локи и получила разрешение съездить за ранеными – но только на следующий день. Получалось, что мы прибудем на место через двое суток после перестрелки. Я тревожилась о том, что мы обнаружим по приезду.

Рано утром в воскресенье мы погрузились в два Ленд Крузера Красного Креста, рассчитываясь обернуться до трех часов дня. Протоколы безопасности в отношении дальних поездок были особенно строгими; из Локичоджио каждый час отслеживали наши перемещения. Нам приказали вернуться в Йиролю до темноты.

У нас не было ни карты, ни GPS, чтобы сориентироваться на местности. Мы ехали, опираясь на собственные смутные представления о том, где произошла перестрелка, и внезапно увидели на горизонте два перышка дыма. Ориентируясь на них, мы добрались до ближайшей деревни. Там нам сообщили, что конфликт на время приостановлен, и соперники разбили лагерь в буше, так что мы с немецкой медсестрой решили разделиться и ехать каждая к своему лагерю, а потом встретиться в деревне.

Со мной был лучший из наших водителей. Двигаться приходилось по кочковатой поверхности пересохшего русла реки, через траву и густой дым; дорога больше напоминала цепь бесконечных выбоин. Мы подсказывали, как на трамплине; водитель сказал, что это слоновьи следы, но за все время пребывания в Южном Судане я ни разу не видела там слонов. Местные

говорили, что их всех съели в войну. Когда мы добрались до другого края равнины, дым рассеялся, и я увидела, по какой дороге приехала. На обочинах то тут, то там валялись мертвые тела.

Похоже, произошла настоящая бойня. Поначалу тел было немного, но по мере приближения к эпицентру событий их количество росло. Перестрелка разразилась два дня назад, и я не знала, стоит ли выходить из машины и проверять, остались ли выжившие. Прямо передо мной в траве кто-то вдруг зашевелился, я командовала водителю остановиться и схватила походную аптечку. Подойдя поближе, я поняла, что это еще один труп, сильно раздувшийся, с качающимся вспухшим животом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.